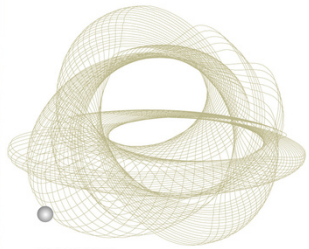
НИКОЛАЙ БАСОВ



ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ЗАКОН ВОЕННОГО СЧАСТЬЯ

Николай Владленович Басов

Место отсчета

Серия «Мир Вечного Полдня», книга 2

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124151
Торговцы жизнью: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06795-7

Аннотация

Обычный русский городок, райцентр средней полосы, перенесен неведомыми силами со всем своим населением из привычной реальности в другой, чуждый мир – на внутреннюю поверхность Сферы Дайсона, огромного искусственного образования, где сосуществуют миллионы непохожих друг на друга цивилизаций…

С первых же дней жителям городка приходится сражаться против враждебного окружения, чтобы выжить и найти свое место в этом странном мире.

Содержание

Часть I 4
Глава 1 4
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 21
Глава 6 26
Часть II 31
Глава 7 31
Глава 8 35
Глава 9 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Николай Басов
Место отсчета

Часть I
Операция «Соседи»

Глава 1

Весна пришла в Полдневье сразу, за пару ночей оголились вершины пологих холмов, а сугробы стали пористыми, насыщенными влагой и почти такими же серыми, как небо, под которым стоял Боловск.

Экспедиция в Чужой город проваливалась дважды. Сначала БМП застряла на красной глине, так что ее пришлось вытаскивать с помощью дизельного тягача. И во второй раз отряд доехал лишь до разлившейся речушки, из которой ребята во время самой первой поездки прошлым летом пили воду, и снова вынужден был вернуться.

Зато с третьей попытки, верхами, Ростик со старшиной Квадратным всего с одной ночевкой добрались до Чужого города и с удивлением обнаружили, что вокруг него кипит весенняя работа.

Миновав границу, отмеченную камнями, видными даже под снегом, они попали на наезженную дорогу и уже на рысях добрались до стен. Никто не пытался остановить их, лишь время от времени они ловили на себе взгляды червеобразных Махри, которые дружно, распевая странноватые пискляво-заунывные песни, возились на полях.

В городе царило еще большее оживление. Бригады червеобразных восстанавливали разрушенные дома, некоторые выстилали улицы новыми плитами или выравнивали после зимы старые.

Общее впечатление чуть не праздничной сумятицы усиливалось из-за стай очень красивых, похожих на попугаев, разноцветных птиц с длинными, остренькими хвостами, которые кочевали по крышам. Их переливчатые крики не надоедали, как, например, карканье ворон, хотя исполняли они, по всей видимости, ту же роль.

На этот раз Ростик с Квадратным выехали на площадь перед библиотекой без особых трудностей. Спешившись, они попытались войти в знакомое здание с барельефом, но тут их остановил тонкий и подвижный зеленокожий Шир Гошод, с цветком на плече. Выставив вперед три свои руки, без всякого выражения, лишь поворачивая голову то в одну сторону, то в другую, чтобы видеть сразу обоих людей, он стал наступать, пока все вместе они не отпятились в центр площади.

Ростик так и не понял, почему им нужно было отходить так далеко, почему нельзя было устроиться у стены, но возражать, конечно, не стал. Он лишь назвал несколько раз имя знакомого ему Шир Марамода, после чего, получив в ответ кивок носом, стал терпеливо ждать.

Квадратный впервые оказался в Чужом городе, он разглядывал дома и барельефы, словно попал в музей. Ростик попытался было утихомирить его, но получил резонный ответ:

– Взводный, а может, равнодушие к их городу считается бульшим нарушением приличий, чем любопытство?

Не прошло и получаса ожидания под солнцем, как всегда висевшим в зените, как из дверей библиотеки появилась фигура, припадающая на одну из ног. По этой хромоте Ростик определил, что видит старого знакомого.

Шир Гошод в гротескной, но в целом правильной форме попытался повторить тот поклон, которым Ростик встретил его еще зимой. Рост тоже поклонился, чтобы закрепить эту форму приветствия, и улыбнулся. Брови и боковые жвала зеленокожего тоже раздвинулись. Старшина откомментировал:

– Ишь ты, тоже улыбаться умеет.

По заведенной схеме Ростик расстелил прямо на плитах площади привезенный из дому половичок, уселся, выбрал место чуть более пыльное, чем соседние, и попытался нарисовать Боловск, окруженный насекомыми, которых уничтожает черная волна саранчи.

Как и несколько месяцев назад, Марамод зашел за спину и стал, беспрерывно поворачивать голову, чтобы видеть его то одним глазом, то другим. Квадратный дважды попытался вмешаться в работу Ростика, но тот отогнал его так решительно, что старшина недовольно зашипел.

Сбоку от рисунка Ростика Шир Марамод пририсовал картинку, на которой черный вал борыма уничтожал несколько червеобразных, которые оказались по ту сторону выставленных у города камней. Не составляло труда понять, что Шир изображал гибель последних бунтовщиков, затеявших прошлым летом гражданскую войну. Тогда Ростик приставил к своим насекомым несколько червеобразных и, обозначая союз между ними, заключил в общую рамку. Но Марамод одним движением красноречиво перечеркнул ее по диагонали. Эту проблему Марамод обсуждать отказывался, ее не существовало.

Ростику осталось только согласиться и продолжать. Старательно, чуть не высунув язык, он нарисовал сбоку от Чужого города переплетение различных труб, вышедших из городских стен двух человечков верхом на лошадях и проложил дорогу к обозначенному объекту. Шир Марамод задвигал бровями, носом, боковыми жвалами, стер дорогу и недвусмысленно показал пересекающее путь копье.

– Но почему? – спросил Квадратный.

Как оказалось, старшина стоял у них за спиной и смотрел на все, что происходило на песке.

– НЧму? – повторил Марамод старательно. – Чму.

Тогда Ростик опять принялся изображать дорогу от Чужого города, но теперь она приводила в Боловск. По ней двигался высокий Шир Гошод. Ростик ткнул в нее пальцем и указал на собеседника.

Марамод раздвинул боковые жвала, оглянулся на библиотеку. Ростик мог бы поклясться, что сейчас Шир каким-то образом пытался беззвучно поговорить с кем-то, кто остался в библиотеке. Но собеседование было таким коротким, что понять в нем ничего не удалось.

И все-таки Ростик почувствовал, что под действием использованной Широм силы в его теле поднимается волна холода, в животе собирается комок отвратительной тошноты. Знакомые симптомы оказались настолько некстати, что он попытался подняться с коврика, чтобы уступить его старшине, но не успел.

Мрак налетел, как черная буря, заволакивающая зрение и сознание, оглушающая все чувства разом. И в глубине этого тумана возникали светящиеся образы, которые все яснее проявлялись в сознании, словно переводные картинки, которые Ростик так любил в детстве.

Ростик не сопротивлялся, он лишь следил, как эти картинки становятся яснее…

Очнулся он потому, что Шир Марамод, приблизив свой правый глаз, с интересом следил за лицом Ростика, держа его руки своими зелеными левыми лапами. Ростик обратил внимание, что вместо ногтей у Шира росли короткие, крепкие колючки коричневатого цвета.

От этих рук, от всей фигуры веяло такой искренней попыткой понять, что же происходит с чужаком, что Ростик попробовал благодарно улыбнуться. Улыбка не получилась, холодный пот заливал глаза, руки дрожали, а губы не растягивались, будто сделанные из глины.

– С тобой что-то произошло, – констатировал Квадратный из-за плеча.

Ростик оглянулся. Старшина выглядел спокойным, но очень, прямо-таки необычайно внимательным.

– Ничего страшного, они как-то подействовали на меня и, кажется, сами не догадываются как.

– А ты догадываешься?

– Тоже нет, – хмыкнул Ростик. На этот раз улыбка получилась. – Но будем надеяться, это тот самый улов, ради которого мы сюда притащились.

Старшина кивнул, и Ростик увидел, как он сжимает автомат побелевшими от напряжения пальцами. Это был плохой признак, пожалуй, отсюда следовало уезжать. От непонимания ситуации Квадратный мог сорваться в любую минуту.

Последний раз опустив руку, Ростик нарисовал знак вопроса поверх всех их изображений, имея в виду ощущение, которое навалилось на него и которое Шир Марамод так внимательно разглядывал. Он не мог пояснить его более подробно, он не знал, как это сделать, да и голова уже начинала побаливать, не позволяя сосредоточиться на мелочах. Но он надеялся, что общее выражение недоумения будет понятно зеленокожему.

И вдруг что-то произошло с Широм. Он еще больше наклонился к мостовой, и под его ловкими пальцами стал появляться ответ на этот глупый вопрос.

Сначала это была пунктирная фигура, выдвигающаяся примерно с северо-западной стороны. Потом она стала еще больше и накрыла чуть не весь Чужой город, изображенный зеленокожим ранее. Если представить такую фигуру по отношению к настоящему городу, она достигала нескольких сот метров. И что это могло быть, Ростик даже не подозревал.

В одном он был убежден, на суше существо таких размеров жить не способно. Но оно определенно жило, потому что Шир Марамод изобразил, что именно такое существо атакует уже не только город, разрушая дома, сминая башни, но и вносит опустошения в переплетение труб, которое Ростик изобразил как завод Шир Гошодов.

Атака, насколько понял Ростик, не только исходила сверху, но еще и начиналась совершенно неожиданно. Это наводило на мысли. Он поднял голову, нашел наиболее выразительную крышу, увенчанную шаровидной башенкой, скрывающей, очевидно, баллисту, и указал на нее пальцем. Потом со всей выразительностью, доступной после внезапного приступа, поднял брови в вопросительной гримасе.

Шир Марамод кивнул носом, и этот диалог понял даже Квадратный.

– Он говорит, на них скоро кто-то нападет, – пояснил он уверенно.

– Несомненно, – согласился Ростик. – И это вполне достойный результат нашего посольства.

Впрочем, сам он так не думал. Результатом было что-то, чего он пока не мог понять, но что уже угнездилось в его голове. Но пояснять это Квадратному было бы слишком сложно. К тому же и Марамод мог это перехватить. Чувствительность зеленокожего была такой, что он определенно осознавал какие-то мысли людей, даже не стараясь вникать в их жестикуляцию и мимику.

– Ну, если мы чего-то добились, то можно отсюда сваливать, – предложил старшина.

Раскланявшись с Шир Марамодом, он подошел к лошадям. В его взгляде, которым он окинул площадь, крыши и окна домов, появилась настороженность. Он был готов к любым действиям, если кто-то помешает им уехать. Но ничего им не грозило – это было настолько очевидно, что Ростик всерьез задумался о пригодности старшины к таким посольствам.

Подобрав коврик, он раскланялся со своим собеседником. Потом усилием воли заставил себя избавиться от слабости и к лошадям подошел вполне уверенно. Взобравшись в седло, вдруг открыл, что удержать поводья было трудновато. Но с помощью старшины он справился.

Недалеко от ворот к ним подошли двое зеленокожих в одеждах, сшитых из разноцветных лоскутов, что определяло их статус как гораздо более низкий, чем у носящего жемчужно-серые хламиды Шир Марамода. Они проводили ребят за стены.

Но тут вместо того чтобы направиться по уже знакомой дороге на юг, в сторону Боловска, Квадратный довольно решительно свернул направо и повел свою лошадь вдоль городской стены. Ростик поинтересовался:

– Что это значит?

– У нас есть приказ выяснить хоть что-нибудь о заводе. Я хочу его выполнить, – чуть более сухо, чем обычно, ответил старшина.

Ростик спорить не стал. Миновав выгон, они нашли узкую, но наезженную колею, пробитую повозками через вспаханные поля, и двинулись в сторону пологих холмов, между которыми скрывался котлован, в котором, как Ростик помнил, находилось странное сооружение зеленокожих.

Глава 2

Ростик еще не очень хорошо ездил на лошади, поэтому некоторые части тела заставляли его испытывать если не все муки ада, то, по крайней мере, добрую их половину. Жеребцов им с Квадратным выдали всего неделю назад, когда выяснилось, что все кобылы обещают приплод. Это было хорошей новостью, хотя иным горожанам она показалась малозначимой.

Продвигаясь по колее, между только-только пробившимися красно-зелеными росточками, путники все чаще поглядывали в сторону работающих по обе стороны от дороги червеобразных. Никаких надсмотрщиков видно не было, определенно, они крестьянствовали не как рабы на плантациях, а по меньшей мере как колхозники.

Солнце припекало уже с ощутимой вечерней яростью, когда они достигли котлована, на дне которого находился завод Гошодов. Но в сам котлован спуститься им не дали. Откуда-то сбоку прозвучали резкие крики. Повернув голову, Ростик увидел трех зеленокожих Широв, бегущих к ним изо всех сил на своих трех ногах, несущих связку дротиков в коротких левых руках и размахивающих более мощным копьем в правой, мускулистой руке. Но и помимо трех ног, побежка у них была любопытная – уж очень они выворачивали голову, чтобы видеть землю под ногами и одновременно цель движения.

– У нас мир, правда? – вполголоса спросил Квадратный.

– Несомненно, – подтвердил Ростик. – Никакой стрельбы.

– Понятно, – кивнул старшина. – Тогда так.

И он поднял руки. Ростик с облегчением сделал то же самое. Но конь его задергался, и он сумел поднять только одну руку. Надеясь, что жест его будет понятен, он дополнил его улыбкой, но она не подействовала. Эти зеленокожие, как все стражники всех миров, были настроены круто. Они заставили людей спешиться, сесть на землю спиной к спине, потом долго переговаривались, осматривали лошадей, ощупывали их сумки, даже позвякивали их автоматами.

Последнее нервировало Квадратного больше всего. Да и Ростику пришлось потрудиться, чтобы выглядеть спокойно. В конечном итоге, именно эта тактика принесла успех.

Откуда-то издалека, может быть, даже из города появился новый зеленокожий субъект, в более широкой тоге, чем у стражи, и уверенным голосом приказал копейщикам отойти от людей. Затем этот командир стал показывать ребятам на какой-то холм в отдалении.

Сначала Ростик не понимал, в чем дело, потом на самой верхушке увидел камень, обозначающий, должно быть, границу территории Гошодов, зону их влияния, предел их цивилизации среди прочих окрестных земель.

Ребята взобрались на лошадей и покатили в сторону указанного холма, следуя за тремя Ширами, которые уверенно шагали вперед. Разумеется, им и не нужно было оборачиваться. Ростик почти физически ощущал тяжелый взгляд заднего глаза Широв, его немигающего, давящего внимания и нечеловеческого спокойствия.

Ростик постарался отвлечься от этого глаза. Он посмотрел на покорную фигуру старшины, на небо над головой, на камень впереди… Внезапная идея стукнула Ростика.

– Интересно все-таки, зачем им эти камни нужны? – спросил он, обращаясь, разумеется, к старшине.

– А что, хороша идея, – отозвался тот. – Нужно будет сделать такую же разметку.

– И кому она будет сигнализировать, что именно тут проходит линия, за которой старшина Квадратный открывает огонь?

– Да всем, всему свету!

– Те, кто захочет ее перейти, перейдут и так. А те, кто будет бояться Квадратного, все равно не заметят какой-то камень.

– Будет нужно – заметят.

Ростик покачал головой, хотя старшина не мог этот жест не увидеть.

– Чтобы заметить, нужно думать, как ты, как Ширы, как Махри, наконец.

– Тогда зачем они это сделали?

– Мне тоже хотелось бы это понять, – отозвался Ростик.

Старшина вздохнул. Разговор этот его явно не устраивал, он считал его слишком уж абстрактным.

– Ты бы лучше об этом подумал, – он едва заметно указал глазами на переплетение непонятных форм, похожих на гнездо гигантской птицы Рох из персидских сказок, все еще виднеющихся сбоку.

– Отсюда ничего не поймешь, и стараться не буду, – решительно ответил Ростик.

– А для чего оно все-таки может служить?

– Я почти уверен, что это перегонный завод.

– Спирт? – Старшина усмехнулся, как почти все солдаты при мысли об этом химическом соединении, потом посерьезнел. – Интересно, подойдет их топливо для наших машин?

– Мы лишь предполагаем, что это химзавод, но наверняка ничего не знаем. И в любом случае ситуация еще не созрела для полноценной торговли.

Старшина сел очень прямо, задумчиво почесал подбородок под ремнем своей каски. Определенно он задумался о других, не торговых возможностях разжиться топливом. Но Ростик решил эти возможности не обсуждать, и диалога об аннексиях не получилось.

Они подтащились к камню, установленному на верхушке холма. Трое сопровождающих Широв остались стоять у его подошвы. По их невыразительным зеленым лицам Ростик не мог сказать, чувствуют ли они облегчение после выполненного задания, или, наоборот, жалеют, что двое уродливых – всего-то две ноги и две руки – чужаков так и не попробовали применить силу. Впрочем, в последнем Ростик и сам усомнился, Ширы не выглядели существами, склонными к кровопролитию. А вереница воткнутых в землю камней подтверждала прямо-таки биологическую тягу к умеренности и самоограничению.

Они потащились по степи, пока не выехали на такыр с почвой привычного красно-бурого цвета. За ним почти правильной линией начиналась полоса тающего снега. Перед ней, на невесть почему образовавшейся прогалине, появились первые ростки будущих цветов.

– А в Чужом городе снег был? – спросил старшина.

– Конечно, – вздохнул Ростик. – Еще какой.

– Откуда ты знаешь?

– Я же был тут зимой.

– Почему он так быстро у них сошел?

– Микроклимат такой. А может, их камни лучше, чем наш асфальт, впитывают влагу.

Старшина внимательно смотрел под копыта своего жеребца. Несколько раз он направлял его в объезд некоторых наиболее странных растений. Но интерес этот и настороженность были продиктованы отнюдь не любовью к ботанике.

– Как думаешь, есть тут хищные цветы? – спросил он.

– На пути от Боловска до Чужого города мы…

Договорить он не успел. Из низких кустов, похожих на густой репейник, появилось два или три десятка червеобразных. Они были вооружены копьями, а во втором или третьем ряду стояли другие Махри, которые раскручивали над головой старое как мир приспособление.

– Они атакуют! – закричал старшина и повернул своего коня в снежную степь справа.

Ростику тоже показалось, что затяжным рывком они могут уйти от атаки червеобразных, но красноватая глина в трех десятках шагов вдруг провалилась, и на поверхности оказалась еще одна шайка оборванных Махри. С этой стороны путь к свободе тоже оказался отрезанным.

Квадратный поднял коня на дыбы. При этом правой он выдернул автомат из седельной кобуры, каким-то чудом освободил скобу предохранителя и, упершись крючком затвора в выступ доспеха на бедре, передернул его. Ничего подобного Ростик не мог даже и вообразить.

Он замешкался куда более основательно, потому что его жеребец, почувствовав слабость узды, прыгнул вбок, и Рост чуть было не вывалился из седла. Но все-таки, пусть и не очень ловко, ему удалось изготовить оружие к стрельбе.

Когда он был готов вступить в драку, старшина выпулил уже половину магазина. Но, как ни странно, молотил он по-умному. Почти все его пули ушли в землю перед атакующими, заставив первые ряды отпрянуть, сбив прочих в изрядную кучу-малу.

Да и на вторую банду это произвело отрезвляющее впечатление. Некоторые остановились, некоторые подняли передние руки в странном жесте, вполне похожем на попытку сдаться или, что было вероятнее, отдавая приказ остальным.

Тем временем пращи щелчками там и сям освобождались от своих снарядов. Несколько камней просвистели над головами, но три или четыре ударили жеребцов в шею и в корпус. Один из камней с невероятной силой, удивившей обоих людей, ударил старшину в кирасу. Он чуть было не вылетел из седла и вынужден был схватиться за переднюю луку, разумеется, не выпуская уздечку. На кирасе образовалась вмятина, но сталь, без сомнения, спасла если не жизнь старшины, то его ребра.

Теперь цель для Ростика была ясна. С воцарившимся в нем хладнокровием он выбрал трех пращников, со стороны которых прилетел этот камень, поймал на мушку веретенообразные, поднявшиеся над красноватой землей столбиком тела и плавно нажал на гашетку. Толчки приклада в плечо, защищенное кирасой, показались почти дружелюбными.

Первая же пуля прошла вдоль тела выбранного им пращника. Махри заверещал тонким голосом, покатился по земле, словно пытался грязью замазать охватившую его боль. Двое других были ранены мгновение спустя, и, хотя им достались попадания по касательной, они понеслись куда-то назад, не проявляя ни малейшего желания повторить свои броски.

И все-таки Ростик замешкался. Сбоку щелкнули пращи, снова засвистели камни, и жеребец Ростика поднялся на дыбы, получив сразу два попадания по крупу.

– Нужно уходить! – закричал Квадратный. – Или нужно возвращаться.

Он успел поменять магазин, но на этот раз не пытался остановить атакующих очередями под ноги, а поставил скобу на одиночный огонь и легко, словно из пистолета, принялся палить с одной руки в толпу.

– Возвращаться не будем! Никуда они не денутся, отступят как миленькие.

Ростик тоже перешел к отстрелу копейщиков в переднем ряду. Там, куда он стрелял, червеобразные распадались в разные стороны, будто коса пролетала над высокой травой.

– Держи правых! – прокричал Квадратный, повернувшись к тем, кто приближался к нему с левой стороны.

Ростик все понял и подстрелил четырех наиболее рьяных пращников, которые оказались справа от образовавшегося прохода. После этого еще не очень уверенно он направил своего пляшущего от боли и грохота жеребца вперед, в образовавшийся коридор.

– Правильно! – поддержал его старшина, только он действовал куда увереннее. Он дал своему коняге такие шпоры, что жеребец взвился чуть не в воздух, набирая с каждым рывком все более резвый галоп.

– Меня подожди! – завопил Ростик, на миг с ужасом представив себе, как его со всех сторон атакуют озверевшие Махри.

Но рывок Квадратного был как раз решением всей ситуации разом. Червеобразные осознали, что не сумеют остановить гигантских для них жеребцов, и замерли, не пытаясь атаковать. Сбоку прозвучал покрывший весь шум визг какого-то Махри, и все, кто еще мгновение назад рвался вперед, бросились врассыпную с воплями, выдающими немалую панику.

Большая часть отступавших, конечно, хотела как можно скорее оказаться в зарослях спасительных кустов, но несколько камней догнали людей. К счастью, они скорее придали резвости лошадям, чем причинили им серьезный вред.

Они отмахали от опасных холмов километров пять, прежде чем перешли на рысь. Еще через десяток километров, прочерченных в этой степи по направлению к дому, они дали жеребцам возможность передохнуть на берегу небольшой речушки. Обмыв и досуха вычистив животных, они внимательно осмотрели каждую из полученных ими ран. Все оказались страшными на вид, но не глубокими.

Незадолго до того момента, когда над ними должно было погаснуть солнце, Ростик почувствовал неладное. Он сменил направление, въехал на самый высокий в округе холм и осмотрелся. Впереди и по бокам лежали пологие, почти одинаковые, как морские валы, холмы, покрытые вперемежку первой травой и мелкими уже сугробами. Далеко на горизонте виднелась купа незнакомых круглых деревьев, и нигде не было видно привычных рощ, похожих на пирамидальные тополя, по которым Ростик отмерял путь от Боловска.

Они заблудились. На невысказанный вопрос Квадратный, не задумываясь, отчеканил:

– Завтра на рассвете мы без труда определим, куда держать путь.

У Ростика были сомнения, но спорить он не стал. Спорить в этой ситуации вообще было бесполезно, гораздо более насущной проблемой стало отыскивание топлива для костра и сухого места для ночевки.

Глава 3

К лесу Ростик с Квадратным подъехали уже в темноте. Но дрова тут нашлись, конечно, быстро, как и пастбище для лошадей, и место, чтобы раскинуть спальники, – верхушка пологого, круглого холмика, на котором солнце не только растопило снег, но и просушило глину.

Устройство лагеря не заняло много времени. Сбегать за водой для чая, зажечь костерок, натаскать прошлогодней травы, смешанной с хворостом, чтобы спальники не промокли снизу, обиходить и стреножить лошадей – все это произошло как бы само собой.

Сожрав полбанки тушенки с сухарями и напившись чаю, Ростик со вздохом блаженства улегся на своем мешке, подложил локоть под голову и стал смотреть в беззвездное, такое близкое даже в темноте небо.

– Ноги еще болят?

Ростик с удовольствием напряг мускулы спины и бедер и вдруг понял, что самые болезненные ощущения, кажется, остались позади. Он мог не слезать с коня целый день и вечером уже не чувствовал себя разбитым на тысячу кусочков горожанином.

– Это не главная проблема. Гораздо интереснее – что нам сегодня собирался сообщить Марамод?

– Это был сам Марамод?

– Я в этом не сомневаюсь, он хромал так же, как тот Шир, который принимал нас зимой. Кстати…

Внезапная догадка вдруг заставила Ростика замолкнуть с раскрытым ртом.

– Что кстати?

– Может быть, он – тот самый Шир, которого на наших глазах чуть было не разобрала на части банда взбунтовавшихся червеобразных? Помнишь, я рассказывал тебе о восстании?

Квадратный кивнул.

– Думаешь, хромых Широв в городе раз-два и обчелся? Я полагаю, их достаточно, чтобы ты начал путаться в них, как в этих холмах.

– Но не все хромают в одной манере.

– У них вообще с пластикой не очень. – Старшина прикончил вторую кружку чаю и растянулся на своем спальнике. – В рукопашной, я думаю, они не многого стоят.

– В рукопашной и среди людей не все чего-то стоят, – признался Ростик, вспомнив, как легко необученных бойцов приканчивали двухметровые богомолы.

– Нужно больше учиться работать шестом, палкой, голыми руками… Если бы не шест, меня бы тоже не раз уже к праотцам отправили.

– Как это?

– Да богомолы эти… – больше Квадратный ничего добавлять не захотел. Просто перевернулся на бок и стал разглядывать огонь. Аккуратное, небольшое пламя заплясало в его темных глазах, как речь негромкого, третьего собеседника. – Не люблю я вспоминать ту пору, – признался он, помолчав. – Такое впечатление, что тогда не было ничего хорошего.

– Ладно, о войне не будем, может, о Чужом городе поговорим?

– Не знаю, – вздохнул Квадратный. – Я там не многое понял. Хорошо, что не мне докладывать об этом путешествии.

– Честно говоря, я тоже там не очень разобрался.

– Ради чего же мы туда ездили?

– Помнишь, Марамод нарисовал какое-то полотнище, которое опускалось на их город сверху?

Старшина кивнул, не отрываясь от огня. Ростик тоже перевел взгляд на крепкие, яркие языки пламени. Только сейчас он мельком подумал, что не стоило разводить костер на вер-

шине. Огонь будет виден на этих просторах за десятки километров. Может быть, тысячам глаз они показали сейчас, где устроили ночевку, и кто знает, что подумают иные из тех, кто поймет это сообщение.

Квадратный шумно заерзал на своей куче хвороста, поднялся, нашел взглядом лошадей, которые дружно хрустели сухой травой шагах в десяти от костра, потянулся.

– Надо пригасить этот огонь, чем-то он мне разонравился.

Ростик вытянул руку, коснулся ствола автомата, успокоенно кивнул. Квадратный собрал алюминиевые миски, из которых они ели, ложки и кружки в одну охапку и пошел с холма, приговаривая:

– Ты засыпай, первую половину ночи я буду на стреме стоять.

Рост проводил его взглядом, а потом стал смотреть на низкий весенний небосклон. Более всего ему хотелось подумать о том приступе, который он пережил в Чужом городе. Что-то в нем было беспокоящее, что-то важное, мимо чего никак нельзя было пройти. И все-таки Ростик еще не почувствовал ни одного сознательного сигнала из той каши образов и ощущений, которые испытал тогда. Он вообще не очень хорошо понимал свои состояния предвидения, но был уверен, что со временем научится разбираться в них получше.

Незаметно на него накатила сладкая дрема, предлагая его телу стихнуть, как и все вокруг. А тишина в самом деле возникла упоительная. Ее не нарушали, как бывало летом, кузнечики или цикады в свежей траве, это не была тишина осеннего вечера, когда умирающая листва и вянущие травы издают неповторимый шелест от малейшего прикосновения, в котором то и дело проскакивают жестяные тона. Сейчас Ростик мог слушать тишину, наполненную редким плеском ручьев, стекающих по склонам холмов и по дну овражков.

Вот только где-то совсем в отдалении звякнул алюминиевый котелок, в котором они кипятили чай, должно быть, Квадратный хочет довести их посуду до немыслимого блеска…

Ростик сел, чистоплотность Квадратного не имела никакого отношения к тому, что там происходило. Теперь он понимал это совершенно отчетливо. Рука потянулась за автоматом, правая легла на затвор, опуская предохранитель, но выстрелить Ростик уже не успел.

Откуда-то из темноты, раскручиваясь со звоном, словно струна, вылетела ременная петля и обвила его вокруг рук. Вторая такая же, мгновение спустя, захлестнула плечи. Обе удавки тут же сжались, не давая вскинуть автомат.

Ростик попытался было завалиться и вытащить из темноты невидимых врагов, но те оказались умнее. Рывок… И Ростик уже слетел со своей кучи хвороста, упав в хлюпающую, грязную тьму, которая ударила его разом по ногам и голове.

Ростик почувствовал, что он катится по пологому глинистому склону, потеряв автомат, запутываясь в накинутых на него арканах, да так, что уже и дышать становилось невозможно. Он рванулся вверх, к слабому пятнышку света, висевшему в туманном воздухе, – отражению их костра. Но откуда-то сбоку вылетел тупой конец копья, который с сухим треском воткнулся ему в голову, с левой стороны, чуть выше виска, и Ростик почувствовал, что погружается в болезненное, тяжелое беспамятство.

Он очнулся оттого, что кто-то толкнул его сзади. Оказалось, к его спине привалился Квадратный, потому что они были связаны одним арканом, да так, что невозможно было шевельнуться, чтобы этого не ощущал другой. К тому же каким-то образом были прихвачены их ноги, и ни один из них не мог выпрямить их. Любая подобная попытка приводила к весьма неприятным ощущениям. Ростик разлепил спекшиеся губы:

– Ты как?

– Сказал бы, что в порядке, но это будет преувеличением, – буркнул старшина.

Ростик усмехнулся. Несмотря ни на что, он не чувствовал, что им грозит серьезная опасность. Он испытывал то самое чувство, которое делало его чрезвычайно проницатель-

ным и которое ни разу, сколько удавалось помнить, не обманывало его. Чтобы успокоить напарника, он сказал об этом старшине.

– Ну да, – отозвался тот, – повода к волнениям у него нет… Вот сожрут тебя, отварив в нашем же котелке, тогда продолжишь свои гипотезы.

– В нашем котелке не отварят, в него только чай на двоих и поместится.

– А по частям? – предположил Квадратный.

Ростик посмеялся про себя над старой шуткой, потом попытался найти отсвет костра, который висел в воздухе еще несколько минут назад. Он был уверен, что с момента их захвата прошло именно столько времени.

Но вокруг стояла почти чернильная тьма. Лишь где-то далеко позвякивал металл да тихо, подбадривая друг друга, переговаривались жеребцы.

– Коней бы не тронули, – сказал Квадратный. – Представляешь, если у кобыл ни одного жеребенка не появится? Что делать станем?

– А в городе больше жеребцов не осталось?

– Говорят, что нет.

Ростик задумался. Теперь, когда он почти привык не слезать с коня целыми днями, терять коней, тем более насовсем, ему не хотелось.

– Раньше следовало об этом думать, – отозвался он.

Как ответ на его слова, из темноты вдруг возникла огромная фигура. Ростик потряс головой, тем не менее это ему не привиделось. Туша высотой крепко за два метра двигалась абсолютно бесшумно. На расстоянии чуть больше вытянутой руки Ростик не мог различить даже хлюпанья мокрой глины.

Непонятный, косматый зверь вдруг наклонился к пленникам, и его невероятно большие, выпуклые, совершенно темные, без признаков белков или радужек глаза оказались напротив Ростикова лица. Теперь не составляло труда понять, почему их нападение оказалось таким успешным. И даже не костер послужил тому причиной. С такими глазами эти существа увидели бы их стоянку в полной темноте за много километров.

Может быть, они и в тумане умеют видеть, с завистью подумал Ростик. Огромная, шириной с небольшую канистру, косматая морда повисела перед ним, потом удалилась во тьму. А спустя пару мгновений судорожно дернулся Квадратный, уперевшись в Ростика острыми лопатками.

Только сейчас Рост понял, что на них нет кирас.

– Не беспокойся, – шепотом проговорил он. – Это только любопытствующий.

– А вид у него зловещий.

– Скорее всего он считает себя писаным красавцем.

– Не знаю, кем он себя считает, – отозвался старшина, – но двигается так, что привидение позавидует.

Потом стало совершенно темно и тихо. Ростик попытался ощутить присутствие незнакомых косматых гигантов где-то рядом, но безуспешно. Должно быть, от этого напряжения, равно как и от нервного потрясения, вызванного пленом, он незаметно уснул. Впрочем, сон этот был беспокойным и раза три вообще становился прозрачным и тонким, как первый лед, когда Квадратный пытался его о чем-то спрашивать. Но Ростик лишь мычал и снова засыпал.

Он проснулся от холода. За ночь сидения на ледяной земле, едва прикрытой прошлогодней травой, тело затекло, а связанные сзади руки и вовсе онемели. Ростик стал пробовать крепость завязок, наброшенных на локти.

– Я тебе еще ночью предлагал освободиться, – не очень отчетливо проговорил Квадратный. Должно быть, у него смерзлись губы.

– Ночью это бесполезно было. Куда бы мы с тобой побежали? А они в темноте видят, как летучие мыши.

– С чего ты взял?

– Глаза их помнишь? Ясно, что они из ночных охотников.

– Почему же они нас тогда…

Но договорить Квадратный не успел, потому что где-то далеко, над лесом появилось слабое свечение. Это наступал рассвет. Оба пленника повернули головы, пытаясь за склоном холма разглядеть то каждодневное чудо, которому на Земле соответствовал восход.

– Быстро, однако, светает.

– По мне, можно бы и быстрее.

Наконец, свет залил верхушки деревьев и стал ярче, ближе, надежнее. Некоторые деревья выступили из тумана и стали видны по-настоящему, словно размытая акварель проступила на листе бумаги. Контуры обрели объем, посветлели еще больше… И вот уже день, настоящий весенний день установился вокруг.

– Встаем, – предложил Ростик.

Уперевшись друг в друга плечами, оба пленника попытались оттолкнуться от земли. Это получилось не сразу, но все-таки получилось, и они утвердились на ногах, путы вокруг их сапог оказались не так коротки, как сначала казалось. Они могли даже идти, хотя, конечно, каждое движение следовало согласовывать, чтобы не валиться, как два снопа.

– А ловко они нас стреножили, – одобрил Квадратный. – Нужно будет запомнить систему. И длину подобрали в самый раз…

Ростик тем временем крутил головой. Он, наконец, рассмотрел окрестности. Обе их лошадки мирно паслись шагах в сорока на лужайке чуть более зеленой, чем другие. Сбоку от них на сухой глине виднелось пятно костерка, на кучах травы и хвороста, старательно сооруженных вчера, лежали их спальники и седельные сумки… Но таинственных косматых визитеров нигде видно не было.

– Где твой нож? – спросил Ростик. – Хотелось бы освободиться.

– Нет ножа. Забрали его… Оружие, кирасу, нож, пряжки с сумок, даже пуговицы с наших штанов – все забрали. Словно у них нюх на железо.

– Не на железо, а на металл, – поправил его Ростик. – Алюминиевый котелок железным даже в Полдневье называть не стоит.

Оба повернули голову к тому месту, где вчера лежал автомат Квадратного, тот самый, который старшина не взял с собой, когда пошел мыть чашки-плошки. Теперь там лежал длинный, не меньше чем в полторы ладони, каменный нож. Это был именно нож, с остро отточенной режущей кромкой и вполне удобной для человеческой ладони лункой вместо рукояти.

Плавно опустившись на колени, уговаривая старшину слушать его, а не дергать путы раньше времени, Ростик подхватил осколок кремня и принялся резать. Нож оказался выше похвал. Под его острием кожа завязок расходилась, как под скальпелем хирурга. Не прошло и минуты, как они освободились и снова стали вольными, хотя и безоружными, разведчиками.

Глава 4

Все происшедшее жеребцов даже не встревожило, что было хорошим признаком. Зато, когда Ростик с Квадратным поймали их, они обнаружили, что от сбруй остались одни воспоминания. Узда, колечки, даже заклепки, сшивающие ремешки, – были аккуратно срезаны или выдраны.

– Хорошо ребята поработали, – со злостью бормотал Квадратный, пытаясь из обрывков сбруи, каких-то палочек и остатков ремня, которым были связаны пленники, сделать новую упряжь.

Разумеется, это не особенно удалось, но уже часа через два им стало ясно, что до Боловска они все-таки доедут, а не дойдут. Напившись холодной воды, оба горе-дипломата направились домой. Теперь они точно знали, в каком направлении им следует двигаться, потому что рассвет оба видели своими глазами.

Поездка оказалась утомительной. Бесчисленное количество раз пришлось останавливаться и ремонтировать перегрызенные лошадьми палки, заменяющие мундштуки, или снова пытаться связать оборванные неловким движением петли стремян. И все-таки к вечеру они увидели огни Боловска.

Здесь им повезло. Они наткнулись на лагерь стражников, которые, разумеется, пустили их к огню и даже снабдили новой сбруей, правда, только одной.

Миновать оставшиеся двадцать километров оказалось делом даже не очень сложным. На третий день после переговоров в Чужом городе, изрядно уставшие, вымотанные, но вполне целые и здоровые, Ростик с Квадратным ввалились в приемную Рымолова.

По новому обычаю, установившемуся в городе после восстания, каждый житель Боловска мог пройти к главе администрации, которого все чаще называли Председателем. Именно так – с большой буквы, словно Генсека на далекой Земле. Но на этот раз ребят поджидало новшество. На старом месте, как в советские времена, за широким столом с пишущей машинкой сидела какая-то девушка, которая упорно не отрывала взгляд от бумажек перед собой. То была секретарша. Она потребовала от ребят краткое содержание их доклада. Услышав это слово и рассмотрев ее поближе, Ростик почувствовал укол застарелого негодования. Уж очень это было похоже на то, как принимал посетителей Борщагов, бывший райсек, если поднатужиться и вспомнить партжаргон того периода.

Так или иначе, пусть даже и не без сложностей, Ростик со старшиной все-таки вошли в кабинет. Хотя уже и в кабинете им пришлось посидеть еще минут десять, пока Рымолов объяснял какому-то деду необходимость коллективизации его, деда, личного колодца на одной из окраинных улиц города.

– Ну, так что? – спросил он разведчиков, когда дед наконец дал обещание пускать к своей воде соседей и поковылял к выходу.

Глаза Председателя весело блеснули, и Ростик, несмотря на секретаршу, уже в который раз с радостью отметил разницу между старым и новым хозяином этого кабинета. Старый был потухший, перекормленный боров, у нового сверкали глаза и азартно подрагивали руки. Старый не знал, какие распоряжения ему следует выдумать, новому не хватало времени, чтобы во все вникнуть, старый требовал сухие справки и аппаратных докладов, новый, пусть и через секретаршу, но все-таки с явным удовольствием принимал посетителей и решал проблему пользования отдаленным колодцем.

Но на этом вся радость и кончилась, потому что потеря оружия, кирас и всего остального явно не делала из ребят героев. Тем не менее информация о лупоглазых ночных охотниках была настолько важной, что Ростик не стал ничего скрывать и рассказал все, лишь пару раз пытаясь самоиронией смягчить общее негативное впечатление.

К сожалению, Квадратный постоянно вмешивался, выдавая вполне безжалостные и абсолютно убийственные комментарии. Поэтому благожелательное отношение к ночным визитерам Ростику создать не удалось. Рымолов походил по кабинету, по своему обыкновению, постоял у окна. Потом сел за огромный, недавно сколоченный стол, поставленный тут вместо съеденного саранчой, и в упор спросил:

– Сколько их было?

– Как минимум двое, – ответил Ростик. – Две петли сразу захлестнули меня…

– Пятеро, – вмешался Квадратный. – Потому что еще трое сторожили меня.

– Значит, еще больше. Потому что двоим-троим нужно было стоять у лошадей.

– У лошадей-то зачем? – спросил Ростик. – С них железки уже потом срезали…

– Чтобы не заржали, – пояснил Рымолов и сокрушенно опустил голову. – М-да, прямо скажем, без блеска вы выступили. Но, с другой стороны, – живы остались. – Он подумал и добавил: – Среди стражников давно гуляют байки, что их кто-то из темноты разглядывает.

– Зачем? – удивился Квадратный. – Просто так разглядывать – бессмысленно. Они же должны металл, наверное, снять?..

– Может, и снимают, только до меня информация не доходит. Не все же такие… самокритичные, как вы.

– Не понимаю, – признался Ростик. – Есть всего два способа – ограбить или украсть. Ограбление никаким молчанием не замажешь, особенно если есть раненые или хуже того – серьезно раненные. Значит, ночные охотники воруют его, это еще можно при желании замазать…

– Значит, воруют, – пробурчал Квадратный.

– Так, – продолжил Рымолов, – теперь об оружии. Ближайшие две недели на заводе в основном собирались изготавливать плуги и бороны… Но я отдал распоряжение разрабатывать и полные, – Рымолов со значением поднял указательный палец, – как космический скафандр, доспехи.

– Полные доспехи? – удивился Квадратный. – Что это такое?

– Доспехи, в которых можно продержаться в окружении саранчи, – добавил Рымолов. – Никто ведь так и не доказал, что саранча способна прогрызть железо.

– А на аэродроме, говорят, они жестяные ангары все-таки прогрызли, – сказал Ростик.

– Жесть – но не двухмиллиметровую каленую сталь.

– Каленую? – снова подал голос старшина.

– Мы решили, если уж делать доспехи, то такие, которые и стрелу из арбалета насекомых могут сдержать. Или даже копье стражников из Чужого города.

– Разумно, – согласился Квадратный. – Вот только сколько они будут весить?

– Придется привыкать, – «утешил» ребят Рымолов.

– А для лошадей доспехи будут?

Председатель посмотрел на Ростика, пытаясь определить, уж не издевается ли тот над ним.

– О лошадях пока не подумали. Так-с, что с зеленокожими?

Ростик довольно нескладно, опять то и дело прерываемый Квадратным, рассказал о своем диалоге с Шир Марамодом.

– Говоришь, огромное полотенце сверху? Это интересно. Или все-таки живое существо? На что оно показалось тебе похожим?

Ростик давно уже думал над этим, поэтому выпалил:

– На огромную летучую манту.

– Манту? – переспросил Квадратный. – Это?..

– Большая такая камбала, которая плавает в южных морях и жрет все подряд.

– Да ну? – удивился старшина.

Рымолов погасил невольную улыбку.

– Очень большая, старшина, иногда с размахом крыльев до четырех метров доходит.

– На рисунке еще больше, – твердо сказал Ростик.

– Если она очень большая, в нее довольно просто будет попасть, – решил старшина.

– Если она очень большая и может закрыть половину Чужого города, все твои зенитные скорострелки будут для нее комариным укусом.

– Половину города? – переспросил Рымолов.

– Мне так показалось.

– Может, просто нарушение пропорций? На рисунках это сплошь да рядом…

– Нет. С пропорциями у Широв все как раз очень аккуратно. Они и хотели бы, да у них не получается, они прирожденные рисовальщики.

Рымолов сел за стол, подтащил крохотный, чуть больше почтовой марки, клочок бумаги и мелко-мелко написал одно из своих распоряжений. Об этих марках по городу уже месяц ходили разные слухи и даже пытались рассказывать анекдоты. Но марки действовали, это оправдывало их существование.

– Сейчас вы отправитесь на завод, – твердо сказал Рымолов. – Найдете Грузинова и без очереди, слышите – без всякой очереди сделаете полные доспехи. Вы мне очень скоро понадобитесь, поэтому постарайтесь ему внушить, чтобы он тоже поторопился, насколько возможно.

Забрав у Рымолова распоряжение, Ростик спрятал его в нагрудный карман гимнастерки, посмотрел на Квадратного и решился:

– Вообще-то я хотел заскочить домой, отмыться, чаю нормального выпить…

– Нормального все равно во всем городе нет, – посетовал Рымолов. – Так что отправляйтесь на завод, а мыться и чаевничать станете, пока вам доспехи будут клепать.

Сумрачно переглянувшись, Ростик с Квадратным отправились прямиком на завод.

Тут людей оказалось чуть ли не больше, чем в городе. Причем почти все работяги расположились на верстаках и столах, вынесенных из цехов. Сначала Ростик не понял, в чем причина, потом, разглядев в помещении гирлянды ламп, догадался, что таким образом технари экономили керосин на освещение.

Как им сказали, найти Поликарпа Грузинова они могут только в заводоуправлении. В том самом здании, которое они некогда с таким трудом отбивали у насекомых, положив на площадке перед входом не один десяток ребят. Воспоминание оказалось настолько тяжелым, что Ростик даже ехать напрямик по этой площади не смог, он спешился, отвел своего жеребца в соседний садик, привязал к тополю и прошагал вдоль стеночки, не желая наступать на некогда политый кровью асфальт. Квадратный посмотрел на эту странность вполне понимающими глазами. Вероятно, у него тоже имелось не одно место под городом, где он не мог оставаться спокойным.

Грузинов сидел в огромном зале, заставленном столами и кульманами, за которыми, впрочем, никого не было видно. Поликарп чертил настоящим карандашом на настоящей бумаге. Разумеется, теперь работать приходилось на оборотной стороне старых листов, потому что с бумагой было очень плохо, но это ничуть не отразилось на правилах ГОСТа, по которым чертежи по-прежнему творились.

– С чем пожаловали? – спросил Поликарп, даже не поздоровавшись.

Ростик, как и в кабинете Рымолова, с удивлением обнаружил, что его гложет смесь интереса к такой вот спокойной, кабинетной работе и легкого презрения, словно бы в нынешних условиях это было не совсем мужским делом. Но, может быть, он ошибался.

Рост положил на стол бумажку, исписанную Рымоловым, и сел на стул, стоящий чуть в стороне, явно предназначенный для посетителей. Квадратный решил пооткровенничать:

– Обокрали нас. Остались мы без автоматов, без кирас. Придется тебе сделать новые доспехи и выдать нам новое оружие.

Поликарп прочитал записку, покрутил головой, пробормотал:

– Бывают, конечно, срочные приказы, но этот… Одним приказом, хлопцы, не обойдетесь. Придется вам рассказать: что видели, что слышали и какое в свете чудо?

– Тут одни чудеса, куда ни повернись. А с рассказами придется подождать, – решил старшина. – Уж очень у нас некоторые части тела побаливают.

– Особенно голова, – пояснил Ростик. – После того как ее вчера копьем ухандокали.

– Как это?

– Давай лучше мерки снимем, – попросил Ростик. – Домой хочется.

– Все вы так, – сокрушился Поликарп. – Сами болтаетесь по всему Полдневью, видите разные разности, а нас крохами со своего стола ленитесь подкормить.

– Давай работать, птица небесная, – подтолкнул его кулаком в спину старшина, и все трое маршевым шагом направились к выходной двери.

Поблуждав по полутемным переходам, они вышли на открытую площадь, образованную тремя смежными цехами, где со страшным звоном и грохотом работали два десятка мускулистых полуобнаженных ребят. Почти все были молоды, обветрены и загорелы выше всякой меры. И все были заняты одним делом – отковывали на огромных стальных болванках толстые, двух-, трех– и даже пятимиллиметровые листы стали, разрезая их и подгоняя друг к другу самыми разнообразными молотками от киянок до мощных многопудовых молотов. Чтобы его было слышно, Грузинову пришлось повысить голос:

– Тут наши оружейники теперь пашут. Если все получится, мы вам уже завтра выдадим по комплекту.

Потом он принялся разговаривать со сгорбленным седобородым старичком, который обыкновенным швейным сантиметром стал измерять разные части тела у Ростика и Квадратного, записывая результаты мелом на темный кусок линолеума, прибитый мебельными гвоздиками к доске.

Закончив обмер, старичок предложил Ростику и старшине выбрать себе по шлему. Их, в отличие от движущихся частей доспехов, делали по одной схеме, вроде остроконечного ведра с забралом, вот только каждое такое «ведро» весило килограммов шесть, и это сразу вызывало уважение. Когда Ростик вынырнул из понравившейся ему емкости, он спросил Поликарпа:

– Почему они тяжелые такие?

– Голову все-таки защищают, – загадочно ответил старичок вместо Грузинова. – К тому же мы там не очень удачную систему амортизации соорудили из войлока… Но как говорил один наш великий полководец – тяжела на заводе, легка в бою будет.

– Хотелось бы верить, – загробным тоном пророкотал из своего шлема старшина.

Внезапно в конце площадки появилась девушка в легком сарафане. Этот сарафан так резко выделялся на фоне мрачной, серой обстановки, что головы едва ли не трети кузнецов повернулись в ее сторону. Грузинов пошел ей навстречу. Ростик с удивлением узнал в подходящей девушке Раю Кошеварову. Она несла какой-то листочек. Ростик уже приготовился к самому худшему, к тревоге, новому заданию, новой поездке из города. Но Рая подошла к Поликарпу и веселым, звонким голоском, заглушившим даже звон ближайших молотов, сообщила:

– Поликарп, тебе велено срочно заняться обсерваторией. – Потом посмотрела на Ростика, на старшину, милостиво кивнула и собралась было идти дальше.

– А записку? – не выдержал Поликарп.

– Это не тебе, это я в пятый цех несу. – И застучала подковками по асфальту, будто маятник завелся.

Квадратный тем временем пристал к Грузинову:

– Зачем ты понадобился обсерватории? Астрономов в доспехи обряжаешь?

– Они должны повесить шар из дюраля, – хмуро пояснил Поликарп. – Но его помяли при перевозке, вот обсерваторские и хотят свалить на нас грехи транспортников.

– Погоди, зачем шар-то понадобился?

– Перегуда подсчитал, что, если на какой-то их антенне установить этот шар, его будет видно со ста двадцати километров. Они решили использовать его как маяк для патрулей.

– Вот это дело, – высказался Квадратный и повернулся к Ростику. – Давай смотаемся? Интересно все-таки, да и шар для нас, считай, устанавливают…

Ростик вздохнул, подумал о Любане, к которой хотел заскочить в больницу, но кивнул:

– Раз для нас – давай смотаемся.

Глава 5

Шар оказался на удивление большим. Когда Ростик подошел к нему и попробовал его измерить шагами, он показался ему метров шесть в диаметре, а то и больше. Поликарп оценил Ростиковы манипуляции и отчетливо произнес:

– Что ты мучаешься? Спроси меня – я знаю. Четыре тридцать.

– Я думал – больше, – ответил Рост.

– Они всегда кажутся больше. – И Поликарп ушел искать кого-нибудь из начальства.

Шар был сделан из легкого дюраля, наклепанного на более жесткий каркас из стальных профилей. Ростик выяснил это, сунув голову в специально проделанный люк для возможного ремонта. Внутри сквозь неплотно подогнанные листы обшивки пробивалось тонкими лучиками солнце, и весь объем резонировал, откликаясь на малейшие звуки.

– Почему он так блестит? – услышал Ростик голос Квадратного. Вопрос, безусловно, был адресован Грузинову.

– Мы сумели зарядить несколько аккумуляторов и анодировали его хромом. Получилось не очень… За подобную работу на Земле мне бы голову отвинтили, а тут ввиду отсутствия чего бы то ни было – и так сойдет.

Ростик вытянул голову из шара. Грузинов уже вернулся, и не один. За ним шагало человек десять солдатиков, троих из которых Ростик знал по боям на заводе. Сейчас они выглядели заматеревшими и отчужденными.

Впрочем, Ростик и сам иногда чувствовал, что становится тут более апатичным, чем на Земле. Или сказывалась постоянная смена впечатлений и отсутствие отдыха, или воздух в Полдневье располагал к растительному существованию.

– Ну, что ты собираешься делать? – спросил Поликарпа старшина, весь излучая любопытство.

– Сейчас Перегуда подойдет, и все сразу станет…

Предположения Поликарпа так и остались недоговоренными, потому что Перегуда появился из-за угла обсерватории, шагая так, что полы неизменного синего халата бились, словно флаги, и почему-то жуя на ходу. Видимо, ему не дали пообедать, или поужинать, согласно распорядку дня нормального астронома.

– Поликарп, мне непонятно, почему вы решили, что шар нужно привезти сюда? Что я должен с ним тут делать? – спросил директор, когда между ним и собеседником оставалось еще шагов двадцать.

– Добрый день, – поздоровался Поликарп.

Ростик с интересом наблюдал происходящее.

– Добрый. Шар, – Перегуда откусил кусок от аппетитно выглядевшего блинчика, из которого брызнул какой-то сок, вероятно, в него была завернута котлета, – нужно было доставить к ретрансляционной радиотелевышке. В техзадании, которое вы испросили, я ясно указал, что это самая высокая точка во всем городе и стоит она на подходящей возвышенности. Туда и следовало…

– Понятно, – согласился Поликарп. – И как же вы собираетесь затащить туда эту бандуру?

– Нет, не мы, это вы ее затащите, – Перегуда суховато усмехнулся.

– Я? – чувствовалось, что Поликарп слегка потрясен.

– Не в одиночку, конечно, – директор дожевал остатки блинчика, и Ростик едва удержался, чтобы не облизнуться. – А вместе с помощниками.

– Какими помощниками? – спросил инженер.

И это было ошибкой. Потому что Перегуда широким жестом указал на солдатиков и даже, кажется, на старшину с Ростиком.

– А этих людей я зря от райкома затребовал?

– Райкома больше нет, – механически поправил его Поликарп.

– Да, простите, – сразу же согласился Перегуда. – Но люди, в любом случае, у нас есть. Да еще какие! – он с удовольствием посмотрел на Ростика.

– Припрягают, – прошептал за спиной старшина.

– Да, посмотрели… – разочарованно отозвался Ростик. – И уйти теперь не получится.

– Почему бы не попробовать? – спросил Квадратный.

– Теперь – нет, – твердо сказал Ростик.

Перегуда постоял напротив Поликарпа, Поликарп постоял, опустив голову, перед Перегудой. Наконец, Поликарп сдался. Понял, что теперь, как бы он ни протестовал, операция по установке шара на радиотелевышке останется за ним. Так что возражать изначально не стоило.

– Что же вы раньше не сказали, – попробовал он упрекнуть Перегуду, но каждому было ясно, что он просто стравливает пар. – Мы бы сразу доставили его к вышке… Теперь тащить его километров пять, если не больше.

– Это было указано в техзадании. Впрочем, с этими пятью километрами у вас хлопот не будет, скоро подойдет «КрАЗ» с завода.

– Почему вы так думаете? – удивился Поликарп.

– Потому что сам его вызвал.

Оперативность, с какой работал директор обсерватории, произвела впечатление даже на солдатиков. А Грузинова она просто сразила. Инженер принялся ходить вокруг шара, постукивая его мягким, нетренированным кулаком по сверкающей легкой поверхности.

– Что он делает? – спросил старшина.

– Думает, как его воздвигать на вышку, – ответил Ростик и не ошибся.

– Нелегко нам будет, – тут же отозвался Поликарп.

– Нам… будет… нелегко, – с расстановкой, со вкусом произнес старшина.

Переложив все предстоящие сложности на плечи Поликарпа, к Ростику подошел Перегуда.

– Может, расположимся в тенечке? – предложил он. – И пока есть время, расскажешь, что видел, что знаешь?

Его лицо за последний месяц помолодело. И выглядел он веселее. Теперь не осталось и тени дистанции, которую он пытался установить с Ростиком, когда они только-только познакомились.

Ростику это понравилось. Так он чувствовал себя спокойнее. Поэтому, не чинясь, он стал рассказывать, что и как с ними происходило за последнюю неделю. К тому же и дорожка уже была накатанной, ведь только сегодня он докладывал Рымолову.

Перегуда покрутил головой, рассказ ему явно понравился.

– Да, вам этот шар нужнее остальных. Теперь-то блуждать не придется. Его будет заметно… за сто двадцать километров. За сто без бинокля – увидите точно.

– Кстати, о бинокле… – Квадратный с заметным волнением повернулся к Ростику.

– Не взяли его волосатики, я первым делом проверил, – отозвался Рост.

– Тяжко, когда у нас только один такой прибор, – проговорил Перегуда задумчиво. – Вот появится время, непременно научу десяток девчонок шлифовать линзы, чтобы…

Они помолчали. Квадратный, решившись, спросил:

– А сигналы какие-нибудь с помощью этого шара передавать можно?

– Мы разработали систему кодов.

– Азбука Морзе? – спросил с надеждой Квадратный.

– Вроде того. В обычное время вокруг шара будет двигаться затемняющая его квадратная штора, подобно тому, как ночные облака ходят над Полдневьем. Только они гуляют над внутренней поверхностью, где мы живем, а наша будет кататься по внешней. Мы рассчитываем, она позволит нам использовать и простые сигналы.

– Если она должна просто крутиться, то посигналить не очень-то получится, – усмехнулся Квадратный.

– Штора-то будет не сплошной. Ее поверхность будет составлена по принципу поворотных жалюзи. И каждое из этих крылышек можно будет синхронно отдергивать, если нажимать один рычаг.

– Громоздкая штука получится, – сказал Ростик.

– Не очень, мы уже прикинули. Если использовать крашеные алюминиевые профили, один человек вполне справится.

– Получится вроде морского семафора, – обрадовался, осознав общий принцип, старшина.

– Точно, – подтвердил Перегуда.

– Тогда хорошо бы и нам такую штуку… Ну, я хочу сказать, переносную.

– А вот это идея, – согласился Ростик. – Только она должна быть очень компактной.

– Подумаем, – согласился вдруг Поликарп. Оказывается, он давно стоял рядом, просто почему-то был незаметен. – Только вам придется морзянку учить в обязательном порядке.

– Ради такого дела – выучим, – кивнул старшина.

– А может, обойдемся тюремной азбукой? – спросил Перегуда. – Знаете, шесть по горизонтали, пять по вертикали, и в итоге получаем…

– Морзянка экономичней, – решил высказаться сын радиомастера Ростик. – Лучше поработать, зато…

Докончить он не успел. На дороге, соединяющей обсерваторию и городские новостройки, появился шлейф пыли. Кто-то из солдат поднялся на нижнюю площадку обсерваторской радиоантенны, приставив руку козырьком ко лбу, осмотрелся.

– Он! – крикнул солдатик, наконец.

Это и в самом деле оказался «КрАЗ», у которого был разобран кузов, а скрепленные строительными скобами шпалы образовывали что-то вроде невысокого колодца. В этот колодец и полагалось, по идее, установить шар, скрепив его растяжками.

Сначала Ростик сомневался, что им удастся что-нибудь сделать. Но шар оказался нетяжелым, меньше семисот килограммов, как сказал Поликарп. А это было вполне по силам четырнадцати молодым ребятам, считая водителя. Разумеется, поднимать его, взваливать на помост и закатывать в ложемент – как назвал колодец Поликарп – было неудобно, тем не менее они справились. И при этом даже не очень запыхались.

Закончив расчаливать шар, используя невесть откуда взявшиеся капроновые шпагаты, способные, по словам Поликарпа, выдерживать нагрузку до пяти тонн, все потащились к городу. Поход к вышке оказался недолгим. Пуская жеребцов попастись в тени ближайшего дома, Квадратный сказал:

– Эх, нужно было не болтать у обсерватории, а лошадок на конюшню отвести. Нечего им с нами так-то таскаться.

Ростика эти лошадиные нежности, однако, не встревожили. Он знал, что кони и не такое могли выдержать.

Потом все разом, как зачарованные, стали осматривать вышку. Это было сорокаметровое сооружение, смонтированное из стандартных секций. Такие типовые вышки были расставлены на Земле во всех сколько-нибудь крупных городах России. Все немного приуныли, вышка показалась чересчур высокой, шар неуклюжим, а надежных креплений не предвиделось.

И тем не менее Поликарп принялся командовать. То ли он действительно был хорошим инженером, то ли обдумал все заранее, но проблема не вызвала у него – единственного – никаких колебаний. Перебросив через верхние балки капроновые тросы, смазав сталь какой-то липкой на вид смазкой, он заявил, что подъем может быть осуществлен грузовиком вместо лебедки и десятью помогающими и направляющими монтажниками.

Так и оказалось. Соорудив довольно сложную многоступенчатую проводку капронового каната, инженер приказал водителю потихоньку трогать по его команде, а десяти остальным орлам направлять. И когда заурчал мотор машины, шар медленно поплыл вверх.

До темноты осталось не меньше часа, когда шар, подтягиваемый поднявшимися наверх солдатиками, перекатился через край вышки и прочно улегся на верхней площадке, сваренной из рифленых листов.

– Ну, все, – сказал Поликарп и гордо осмотрел результаты трудов. – Остальную работу завтра вручную закончим.

Ростик, который работал на верхотуре с остальными ребятами, посмотрел вниз. К его удивлению, их суета привлекла немало наблюдателей. Народ стоял чуть в отдалении и получал от зрелища массу удовольствия.

– Здоровая и блестит хорошо, – сказал кто-то из солдатиков, обходя шар по периметру, с заметным уважением похлопывая его по боку.

– Может, и заработать наш семафор, – отозвался Квадратный.

– Непременно заработает, – отозвался Перегуда, который последнюю стадию работы тоже провел наверху. – Вот катки под штору установим, назначим вахты – и заработает, как миленький.

– А как будет эта штора крутиться? – спросил с внезапным подозрением любопытный солдатик. – Моторов-то нет.

– Зачем нам моторы? – отозвался Квадратный. – У нас есть солдатики, вроде тебя. Как я понимаю, тут предполагается команду наблюдателей держать?

Перегуда только кивнул, к немому изумлению всех солдат разом.

Пока они спускались, довольные выполненной работой, от толпы внизу отделился уже знакомый Ростику сарафан. Его заметил и Поликарп. Но как это было и на заводе, он слегка покраснел. Постоял на площадке, покрутил головой, словно бы осматриваясь, беспомощно улыбнулся и стал спускаться дальше.

За его спиной вдруг вполне разоблачительно вздохнул Квадратный:

– М-да, а тут…

Рая уже ждала у лестницы. На ее плече в обыкновенном солдатском сидоре что-то ощутимо бултыхалось. Она улыбалась так, что на нее хотелось смотреть, не отрываясь. Но она, кажется, замечала только Поликарпа. Впрочем, когда Ростик подошел к ней на расстояние вытянутой руки, она его тоже заметила. И тоже слегка смутилась.

– Я подумала, если вы и после темноты будете работать, то… Вот.

– Уже не нужно, – ответил Поликарп. – Мы идем домой, остальное завтра будем доделывать.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Рая, тут же отдавая увесистый сидор своему кавалеру, который безропотно его принял. Потом взглянула на Ростика внимательно. – Да и Любаня будет довольна. А то она в своей больнице прямо как… – Она подумала, подыскивая сравнение, – …как твоя мама вкалывает.

– В больнице? – удивился Поликарп. – А я думал…

– К свекрови поближе, – сказала с непонятным удовлетворением Рая, – под присмотром все-таки спокойнее.

– Спокойнее кому? – спросил Поликарп.

Ростик удивился.

– Мне, конечно, кому же еще?

Рая вдруг испытующе посмотрела на Ростика.

– А ей?

На этот вопрос он ответа не знал, но прежняя уверенность в правоте ничуть от этого не потускнела. Отец его бы одобрил – в этом Ростик не сомневался. К тому же кто-то должен был делать эту работу, так почему же не он?

Глава 6

Поутру мама ушла в больницу, разрешив Любане опоздать на два часа, чтобы ребята впервые, вероятно, ощутили себя настоящими новобрачными. Они так и не успели сыграть свадьбу, действительно не успели почувствовать себя молодоженами. Два часа выглядели царским подарком, но…

Скрипнула калитка, и Ростик даже не успел натянуть штаны, как во входную дверь уже стучали. Это оказался Квадратный, выбритый, начищенный, затянутый в старую, выцветшую, но вполне справную гимнастерку. Бравый вид его привел Ростика в замешательство:

– Ты что, всю ночь наглаживался?

– Не всю, но некоторое время пришлось потратить на внешний вид… Тебя Рымолов приглашает на совещание.

В этот момент на кухню в тонком халатике вышла Любаня. По ее виду каждый понял бы, что она счастлива, что на душе у нее царит покой и что она верит – так будет всегда.

– А завтрак? – спросила она. – Здравствуйте, Квадратный.

– Привет, – улыбнулся старшина. Он откровенно залюбовался, но это было такое любование, что Ростик не ощутил ни грана раздражения, наоборот, он тоже был счастлив и немного горд.

– А вот завтракать, кажется, придется в обед.

– Тогда я тебе вчерашнюю лепешку медом намажу, – решила Любаня.

Лепешки в последнее время мама научилась печь как настоящая азиатская женщина – мягкие, душистые… А мед всегда был медом, даже в Полдневье. Выпив кружку молока и захватив лепешку, Ростик почапал за старшиной.

– Слушай, к чему такая спешка? – спросил он, жуя на ходу.

– Сам не знаю, я зашел в Белый дом случайно, а они подняли крик, чтобы я тебя тащил, хоть на аркане.

– Зачем?

Квадратный пожал плечами.

– Поживем – увидим.

Заседание было уже в самом разгаре, когда они проскользнули в кабинет. Ростик и не подозревал, что он так заспался. Впрочем, зато он отдохнул так, что хоть в новое путешествие отправляйся. Вот только с Любаней толком полюбезничать не удалось, ну да это дело никуда не убежит, будет еще время.

Проблема оказалась в самом деле нешуточная. Когда Ростик вникнул в то, что говорилось и как говорилось, он понял, зачем их, кажется, пригласили.

– А я все-таки считаю, что строить настоящие укрепления по периметру наших пахотных земель – необходимо, – горячился неизвестный Ростику дедуся в кошмарном кожушке, который он не снял даже в кабинете Рымолова. – Вы сами подумайте, люди выйдут в поле, начнут пахать и сеять… Как вы обеспечите их безопасность? А после войны с кузнечиками, после саранчи этой треклятой – да они же попросту боятся! И правильно делают, мне тоже страшно бывает. Как на холм взберешься, по сторонам посмотришь в даль эту бесконечную…

– Погоди, Корней, – прервал его Рымолов. – Понятно, после этих войн в поле неуютно. Но пахать-то надо. Сеять тоже надо.

– Надо, кто спорит! Но ты сам посмотри, Андрей Арсеньич! На город нападений было – раз-два и обчелся. А в поле, почитай, кажную бригаду потрепали. А кого и вовсе… Тютю, на тот свет отправили.

Ростик заметил, что у стеночки сидит теща, непривычно тихая и спокойная. Он подсел к ней, наклонился.

– Доброе утро. Кто это?

– Наш всеобщий кормилец, Корней Усольцев, – отозвалась теща Тамара. – Был председателем совхоза, теперь вот новый крестьянский вожак.

– Чего он хочет?

– Чтобы вокруг всех пахотных земель построили укрепления и ввели круглосуточную охрану его бригад.

Квадратный чуть слышно свистнул.

– Ну, дает! Да где же мы столько народа возьмем?

– О том и речь, – вздохнула теща.

– Положим, в городе потери не меньше оказались, а может, и больше. Концентрация людей – палка о двух концах. – Рымолов подумал. – Значит, так. Строить дома твоим деревенским будем по новому принципу, чтобы могли от саранчи отбиваться. И чтобы с легким наскоком насекомых сами справились. Почти как замки, крепости даже… Илья Самойлович, – обратился он к Кошеварову, – нужно будет дать распоряжение нашим инженерам, пусть сотворят типовой проект укрепленной фермы.

– Что? – в горле Усольцева что-то пискнуло. – Какие фермы? А как же коллективный принцип ведения хозяйства? Да вы что, товарищи?!

– Коллективный принцип остался на Земле. У нас тут земли – не измерить. Всю контролировать невозможно. Следовательно, – Рымолов сделал паузу, – выбираем американский фермерский тип развития.

– А захотят ли? – спросил осторожненько бывший редактор «Известки» Наум Вершигора.

– Когда поймут, что это выгодно, будут в очередь стоять в регистрационный отдел, – твердо сказал Борщагов. – Теперь так. Стражников пустим по периметру наших земель, это обязательно. Но вообще-то нужно ориентировать крестьян на совмещение сельхозработ и охраны своей территории. Казаки тем и раздвинули пределы России, что умели работать с оружием на ремне. А настоящие крепости мы сейчас строить не сможем, ни людей, ни транспорта, ни прочих ресурсов нет. Да и непонятно, какой от них прок будет.

– Я не понимаю… – начал было Усольцев, но Рымолов его оборвал:

– А ты у людей спроси, может, они тебе объяснят? Может, они уже поняли?

– Хорошо, с крепостями – пусть будет, как ты решил. Но как же урожаи продавать? – выдвинул «железный» тезис бывший директор совхоза. – Ведь совхоз он не просто так, он гарантированно скупал полученные продукты – зерно там, мясо, птицу…

– Гноили вы и зерно, и мясо, – легко, как бы невпопад сказал Кошеваров.

– Да, это было, – поддержал его Рымолов. – А что касается фермеров… Обязательные поставки в счет налогов, субсидий и всяких предварительных вложений – отдай. А остальное – пусть везут на рынок. Что понравится, то люди и купят.

– Ну, привезет он, а платить чем? – хитро прищурился Усольцев.

– Нет, подождите, – подала голос теща Тамара. – Товарищи, вы понимаете, что это… Практически это введение частной собственности?

– На землю – да, – сурово и жестко ответил Рымолов. – Иначе мы сейчас, с нашими ресурсами, продуктов питания за короткий срок не получим.

– А как же бедные – богатые? – подал голос и сидящий где-то совсем близко от стола Председателя лейтенант Достальский.

– Не будет у нас мироеда на деревне, – твердо ответил Рымолов. – У нас земли – неограниченное количество. Хочешь работать – паши, зарабатывай, богатей. Кулаки классического,

эксплуататорского типа физически – в силу специфики Полдневья – появиться у нас не смогут. Поэтому…

– Нет, погоди, – снова вмешался Усольцев. – А платить-то все-таки чем будешь?

– Пока я предлагаю старые деньги оставить в обращении. А со временем, может, какие-нибудь ракушки приспособим, жемчужинки, патроны или еще что-нибудь…

– Патроны распылять не дам, – быстро проговорил Достальский. – У них другая цена – в бою.

– Согласен, согласен, – устало кивнул Рымолов.

Он оглядел собравшихся в его кабинете десятка три людей. Многие выглядели усталыми, почти у всех были круги под глазами. Решать нужно было очень многое – практически требовалось заложить принципы цивилизации людей в Полдневье. И спать получалось мало, в любом случае – недостаточно.

Ростик почувствовал себя немного воришкой, который вздумал было сегодня устроить праздник с отсыпанием под завязку, сытным завтраком, милованьем с женой… Он сел прямее. В комнате царило молчание. Наконец Кошеваров помялся и произнес:

– И все-таки, Андрей Арсеньич, мы когда-то вступали в партию… Не могу, не понимаю, почему так вот сразу?

– Мы находимся, – Рымолов вздохнул, – у крайней черты нашего материального производства. Мы стоим на развалинах всех прежних условий труда, системы распределения, отношений собственности. Практически, если мы сейчас не начнем строить новые отношения, мы развалимся и превратимся в бродячее племя без города, без корней, с самыми дикими манерами… Пока нас не уничтожат окончательно. Но есть возможность все перестроить и начать подъем. Из этой, нынешней, самой нижней точки нашей человеческой цивилизации в Полдневье можно подниматься и богатеть и присоединять все новые и новые земли, находить союзников… Развиваться – одним словом. – Рымолов помолчал. – Такова дилемма. Думаю, ни у кого не должно быть сомнений, что именно в нашей ситуации следует избрать. Как мы избавились от прежней, весьма бестолковой администрации, так мы должны сбросить заблуждения – другого слова не подберу – нашей земной, увы, тоже не весьма благополучной истории.

– Нижняя точка… Дилемма… Развитие, – пробурчал Усольцев. – Я так скажу, если деревне будет хорошо, тогда я с вами, Арсеньич. Если все опять превратится в говорильню да голод наших ребятишек зажмет – тогда уволь. Хоть цыганом стану, а людей своих от тебя сведу.

Он встал и, широко шагая, вышел из кабинета, ни на кого не глядя. Рымолов проводил его печальным взглядом исподлобья.

– Заседание, как я понимаю, закончено. Новый курс нашей администрации я, как мог, объяснил. Давайте работать…

Ростик вышел от Рымолова вместе со всеми. Он не очень понимал суть происшедшего, но чувствовал, что тут многое придется еще уточнять и обдумывать. И потому ни в чем не был уверен. Квадратный посмотрел на небо и спросил:

– Так зачем нас вызвали, не понял?

– Он думал, что разговор пойдет по-другому, – пояснил Ростик.

– А… Ну, тогда… Слушай, а что такое дилемма?

– Это когда одна проблема имеет два решения. Но они противоречивы.

– Так, объяснил… – хмыкнул старшина. Впрочем, обиды в его голосе не было. – Ты куда сейчас?

– Давно хотел на аэродром заскочить, посмотреть: как там у Кима дела?

– Это кореец такой, узкоглазый, да?

– Он мой друг, – пояснил Ростик. – С детства.

– Ладно, я тогда, пожалуй, на конюшню. Там эти горе-шорники седла неправильно шьют. Потом на завод схожу, понравилось мне, как кузнецы работают – загляденье.

Забежав по дороге домой, Ростик обнаружил, что Любани, конечно, уже нет, выпил еще одну кружку молока с огромной лепешкой, еще толще намазанной медом, и пошел дальше.

Аэродром он услышал издалека. Самолетный двигатель просто вопил, то захлебываясь, то примолкая, чтобы сразу же взвыть еще отчаянней. Даже далекому от техники Ростику было ясно, что нормальный движок так неровно выть не может. Но что тому было причиной – некачественное горючее или неумелая сборка, – он, конечно, не знал.

Выйдя из рощицы голых еще деревьев, он увидел ангары, пяток бараков и чуть в стороне полетную вышку, над которой бессильным мешком висел ветровой конус. Мотор гоняли на одиноком, крохотном на таком поле самолетике, который то елозил себе по земле, то замирал, но взлететь не мог.

Приглядываясь к самолетику, Ростик перебрался через дощатый, полуобглоданный саранчой забор и зашагал было к полетной вышке, как вдруг откуда-то появились солдатики. Их было трое. Один из них очень воинственно крикнул:

– Стой! Стрелять буду.

– Я из города, – Ростик остановился. – Разведчик, иду к Киму, чтобы узнать возможность воздушной разведки.

Троих постовых раздвинул кто-то чуть более решительный. Это оказалась девушка в гимнастерке и с короткой, мальчишеской стрижкой, ее лицо показалось Ростику смутно знакомым. Девушка хмуро кивнула:

– А, Гринев, проходи. – Она обернулась к постовым. – Это Гринев…

Больше Ростик ничего не расслышал. Он благодарно улыбнулся девушке, но той его благодарность была как сапогу горчичник, и ему осталось только шагать дальше.

На краю поля расположились техники. Их было легко узнать по замасленным, как в кино, комбинезонам. Они о чем-то сдержанно переговаривались. Впереди всех стоял невысокий мужичок на деревянном протезе. Вместо комбинезона на нем был старый, лоснящийся на рукавах пиджак. Он курил какой-то зверский самосад, ядовитые клубы которого долетали даже до остальных.

Ростик подошел к ним незамеченным.

– Здравствуйте, – произнес он погромче. – Где я могу найти Кима?

Кто-то из техников оглянулся, но ничего не ответил. Ростик подождал, ничего не происходило. Все смотрели на бессильные старания маленького самолетика подняться в воздух. Наконец одноногий не выдержал:

– Хрен он взлетит с такой заправкой. Говорил же я, чтобы баки облегчил.

– Плохому танцору всегда… – начал было один из техников помоложе.

– Чушь, парень. С такой тягой даже я не взлетел бы.

– Ты, Серегин, – проговорил тот, которому не дали рассказать знаменитую байку про танцора, – свое уже отлетал. Ты бы вот их поучил.

– А я зачем тут второй месяц обретаюсь? – грозно спросил одноногий. Потом поднял голову и прокричал, надсаживаясь, в сторону полетной вышки: – Антон, скажи ему, пусть кончает это безобразие!

В окошке полетной вышки Ростик, к своему удивлению и радости, узнал Антона Бурскина. Тот был в чем-то черном на голове. Он кивнул и стал что-то делать перед собой.

Одноногий Серегин подошел к Ростику.

– Тебе кого?

– Я к Киму, – сказал Ростик. – Где я могу его найти?

– Сейчас он сам к нам приедет.

Самолетик развернулся на дальнем конце поля и покатил, уже, кажется, не надеясь взлететь, к ожидавшим его техникам. Когда он добрался, мотор пару раз чихнул и заглох окончательно. Кабина отодвинулась назад, и из нее стал выбираться Ким в летном шлеме. Был он зол до крайности.

Когда он спрыгнул с крыла на землю, Ростик позвал его:

– Ким, привет!

Ким заулыбался, слегка оттаяв, пошел к нему навстречу.

– Рост, Ростище! Какими судьбами?

– Да вот, проверить решил. Давно собирался. – Он с уважением посмотрел на самолетик. – Как тут у вас?

Ким похлопывал Ростика по плечу, но после последнего вопроса его губы напряглись, улыбка исчезла. Он оглянулся и с почти откровенной ненавистью взглянул на свой летательный аппарат.

– Да нет тут у нас никаких дел. Моторы пересобрали с трех машин. Бензин чуть не в лабораторных колбах отогнали… – Он опустил голову и уже потише произнес: – А эта зараза не поднимается в воздух, и все тут.

– Может, в сборке что-то не так? – спросил тот самый парень, который только что хотел Кима сравнить с плохим танцором и к которому одноногий Серегин обращался, даже не называя фамилии.

– Быть такого не может, – высказался Серегин. – Просто земная техника тут не летает. Не хочет.

Ростик вспомнил утреннее совещание у Рымолова. Тот тоже считал, что многое придется менять. И этот вот самолет, который смотрел на Ростика широким, украшенным винтом носом, был лучшим тому подтверждением. Если раньше у Ростика и оставались какие-то сомнения, теперь они окончательно растаяли.

– Что же делать?

– Что делать? – переспросил Ким. И тут же ответил: – Искать что-то такое, что тут будет работать. Искать и искать. – И снова, уже потише, но с огромной, невероятной убежденностью договорил: – И не успокаиваться, пока не найдем. Иначе нас, – он помолчал, – просто сожрут.

Что же, подумал Ростик, будем искать. На то я и разведчик.

Часть II
Место отсчета

Глава 7

Ростик привстал на стременах и осмотрел холмы, открывшиеся перед ними. Это были пологие, похожие на валы бесконечного моря складки, уходящие прямо в серое, безвоздушное небо Полдневья. Иногда между ними росли кусты, полные треска и щебетания странных птиц и насекомых. Еще в низинках звенели ручьи, битком набитые мальками и всякой ручейной живностью.

Мир вокруг был прекрасен. Даже давящее, угрюмое небо не портило этой красоты, а наоборот, как начинало казаться Ростику, придавало Полдневью особый свет, может, даже особое очарование.

Старшина Квадратный, мерно покачиваясь в седле, направлял своего жеребца на один из самых высоких холмов. Жеребец его приседал на задние ноги, потому что был нагружен так, что даже спина Квадратного не казалась чрезмерно большой. Ростик нагнал спутника.

– Я начинаю привыкать, – сказал он. – Мне здесь все больше нравится.

– Даже эти железяки на голове и вокруг всего тела?

В самом деле, доспехи, которые они волокли на себе, давили нещадно. Кроме того, балахоны цвета хаки, пошитые, чтобы человек в доспехах не перегрелся до беспамятства и чтобы сталь не блестела на всю округу, шелестели от каждого движения, как ноябрьские транспаранты на ветру. И все-таки приказ был однозначным – на время похода эти штуковины не снимать, для того они и были сконструированы. Всякие гигиенические потребности можно было удовлетворять, не снимая щитков и кирас, просто отодвигая хитроумные заслонки в сторону. Сначала эти заслонки вызвали у всех окружающих, включая Ростика с Квадратным, массу шуток и не вполне аппетитных замечаний. Но уже спустя два дня оба перестали их замечать, словно всю жизнь провели именно за таким вот «рыцарственном» свершении некоторых ритуалов.

– Нам-то что? Вот лошадок жаль.

Жеребцы у них в самом деле выглядели не лучшим образом. От веса доспехов и поклажи первое время они вообще проходили километров двадцать, что не укладывалось ни в какие нормы суточного конного перехода. И за эти километры лошадки успевали растереть себе спину до ощутимых гнойников, которые уже через день начали отвратительно вонять.

Пытаясь избавить животных от страдания, в первый же вечер Ростик со старшиной сгрузил поклажу, загнал их в ручей и вымыл, вычистил чуть не каждый волосок, но это все равно не помогало. Лошадям приходилось туго, они с большим трудом привыкали к новым нагрузкам, и раны их затягивались плохо.

– Ничего, крепче будут, – ответил старшина. – Да и не так уж мы тяжелы, я полагаю, доспехи не больше тридцати килограммов весят.

Это было правдой. То ли более современная технология стала, то ли умелая ковка – но что-то позволило облегчить стальную скорлупу до приемлемой величины. О том, чтобы, как писали в школьном учебнике истории, невозможно было подняться в этих панцирях с земли без помощи, не было и речи. Что касается Квадратного, так тот даже иные упражнения делал в панцире, например, кувыркался.

– Знаешь, в этих доспехах на лошади ехать приятней, – проговорил Рост. – Не так некоторые места болят.

Старшина хмыкнул и ничего не ответил.

– Интересно, – снова подумал вслух Ростик, – эти доспехи пулю из «калашника» держат?

– Ребята на заводе пробовали, – тут же повернулся к нему старшина. – Нагрудный щиток и шлем, как правило, держат. А вот то, что у нас на ногах и руках – пробивается навылет. Но доспех на доспех, конечно, не приходится.

– М-да, а мне хотелось бы как раз знать: наши каковы? И не теоретически, а самым что ни на есть практическим образом.

– Почему-то мне кажется, – мрачно отозвался старшина, – придет время – проверим.

Заднее копыто жеребца Квадратного вывалило немалый булыжник, и он откатился вниз по склону метра на три. Под дерном, на вывороченном месте блеснула темно-красная, сыроватая, как свежая царапина, почва. Не нужно было учить почвоведение, чтобы представить, какие урожаи она могла приносить.

– В своем докладе я обязательно помяну, что целина у холмов куда богаче, чем земля у города.

– Согласен, – кивнул старшина. – Людей заставили огороды на красной глине городить, а тут плюнь – дерево вырастет.

– Зато огородников пасти сложнее.

– Все равно проверить следовало. И не понимаю я, из-за чего патрулировать эти земли сложнее?

– От города дальше.

– Зато урожай тут – не увезешь, а там – едва не впустую надрываться приходится.

Ростик подумал и все-таки напомнил:

– Только за последнюю неделю у города более десяти стычек случилось. И хотя никто, кажется, серьезно не пострадал, все-таки…

– Это волосатики балуются, – лениво ответил Квадратный. – Вот были бы собаки, хрен бы они сунулись.

Да, судя по всему, нападения совершали те же глазастые ночные ребята, что ограбили Ростика со старшиной по дороге из Старого города. И конечно, с собаками их можно было отгонять в любую темень. Но собак осталось мало, Ростик не был даже уверен, что служебные породы вообще пережили нашествие саранчи.

Из низинки между холмами послышалось ржание, резкие хлопки крыльев. Ростик осадил коня и повернулся к шуму. Рука его легла на рукоять автомата, подвешенного, как у ковбоя, с правой стороны седла. Но тревога оказалась ложной – мерно покачивая набрякшими, заваливающимися в разные стороны горбами, из кустарника выплыло два десятка трехгорбых жирафов. Морды у них были сонные, а коричневато-золотистые разводы делали их малозаметными на фоне свежих листьев и ветвей.

Старшина, который оказался к ним ближе, выволок автомат, приложил к стальному плечу, прицелился. В течение последних дней такое случалось раз десять. Разумеется, Квадратный не стрелял, как настоящий охотник, он не убивал ради развлечения.

Мерно покачивая длиннющими шеями, звери ушли в сторону отдаленной рощицы. Квадратный проводил их стволом, как завороженный. Потом посмотрел в сторону города, который в неимоверной дали отсвечивал крохотной серебряной искоркой маячного шара, поставленного на телевышке.

– За день машины сюда доберутся из города? – спросил он, усиленно о чем-то раздумывая.

– Почему же нет? Между нами и городом километров девяносто, не больше. За день они вполне могут подскочить – только зачем?

– Помимо разведки, у нас есть приказ о мясе, – мягко напомнил старшина. – И это вполне разумный приказ. Представь, у нас там котлеты детишкам только дважды в неделю дают.

Ростик подумал.

– Я все помню. – Он в самом деле помнил этот разговор с Рымоловым, вот только Ростик не придал ему большого значения. – Но не уверен, что начальники и сами помнят об этой идее.

– Я тоже. Пошлют они нас, ой пошлют, – обреченно-озабоченно ответил старшина и сунул автомат в седельную кобуру.

Конечно, причиной тому было не только обостренное чувство долга, но и охотничий азарт. Тот самый, который был Ростику не понятен. Впрочем, с питанием в городе в самом деле было не ахти.

– Ты думаешь, ради мяса имеет смысл жечь топливо?

– А ради чего его еще жечь? Ведь мы же предлагаем еду, пищу… А если не на машинах, а на конях? В городе остался еще с десяток лошадей. Если договориться…

– Это кобылы, ждущие приплода, – отозвался Ростик. – Вряд ли ради охотничьих подвигов кто-то будет рисковать и таскать на них возы.

– Я и сам так думаю, – Квадратный повесил голову.

Ростик пожал плечами, что было довольно неудобно под доспехами и абсолютно бессмысленно, потому что никто, кроме него, не мог понять, какой жест он проделал.

– Но спросить-то мы обязаны?

Старшина кивнул и, взобравшись на ближайший холм, спешился. Стянув латные перчатки, стал расшнуровывать свой самый большой тюк. В нем находилось много разного, но еще, как знал Ростик, хранилась довольно внушительная система, которую они получили перед самым отъездом в обсерватории. Именно ее-то старшина и достал.

По всему, это было похоже на не очень аккуратную связку тонких дюралевых уголков и полосок, с вдетыми в фигурные дырки облегченными винтиками и гайками. Достав это устройство, Квадратный выложил и свинтил подобие легкой, как воздушный змей, квадратной конструкции со стороной почти в полтора метра. Потом он порылся на самом дне мешка и выволок на свет кусок тонкой, легкой, сверкающей, как зеркало, и, по-видимому, очень прочной фольги.

– Это не фольга, – покачал старшина головой на вопрос Ростика. – Ребята сказали, это алюминиевое напыление на капроновую пленку. У них случайно на заводском складе остался рулон, они этой штукой железнодорожные цистерны собирались обматывать для светоизоляции.

Ростик провел рукой по волшебной ткани, принесенной сюда с Земли. Конечно, в этом мире люди такого делать не умели, и неизвестно, когда снова научатся.

Старшина растянул зеркальную ткань на каркасе и получил мягкое зеркало, которое видно было и в городе, скорее всего, даже без бинокля. Потом он стал натягивать вторую рамку над первой. Но теперь вместо зеркальной ткани в хитрые пазы он вставлял темные длинные пластинки, наподобие жалюзи. Собрав общую шторку, закрывающую зеркало, он прямо в середине квадрата установил общий рычаг, способный поворачивать все полосы одновременно. Теперь, стоило этот рычаг потянуть в одну сторону, они все закрывали зеркало, стоило потянуть в другую, они открывали его, и поверхность начинала отражать солнечный свет.

Опробовав свою систему, Квадратный даже свистнул от удовлетворения.

– Значит, это и есть пресловутый гелиограф? – на всякий случай спросил Ростик.

– Солнечный семафор, – ответил Квадратный, вглядываясь то в горизонт, то на Солнце. Наконец, он навел свое зеркало на Боловск, прицелившись через довольно сложную лунку, и

проговорил: – Кажется, город на мушке. – Теперь зеркало стояло на вершине холма, наклоненное под сорок пять градусов к горизонту, отражая свет не хуже прожектора. – Придержи-ка конструкцию.

И он ловко, словно заправский сигнальщик, принялся щелкать общим рычагом то вверх, то вниз. Ростик, придерживая телеграфную конструкцию одной рукой, второй поднес к глазам бинокль. На таком расстоянии оптика не очень-то и помогала, но все-таки это было лучше, чем ничего.

– Как они – отзываются?

– Работай, может, отзовутся, – проговорил Ростик.

Шар в бинокль выглядел чуть более крупным, чем простой блик солнца на осколке стекла, но все-таки это был их блик, и от него следовало ждать ответа. И вдруг этот блик стал медленно, не чаще чем раз в три-четыре секунды подмигивать.

– Здорово, они нас увидели! – почти выкрикнул Ростик. – Конструкция-то работает!

– А почему она не должна работать? – солидно отозвался старшина, но было видно, что он и сам не очень-то верил до последней минуты в возможность такой связи. – Давай теперь составлять донесение.

Он написал на песке под ногами несколько слов. Потом принялся последовательно заменять буквы на черточки и точки. Ростику были видны его короткие движения прутиком под ногами, да он и не понял бы их. Намертво обидевшись на свою неграмотность, он решил сегодня же вечером засесть за морзянку.

– Кажется, готово, – решил старшина.

Он вернулся к управляющему рычагу и принялся неторопливо, поглядывая в запись под ногами, выщелкивать свое донесение. Закончив, стал вглядываться в пятнышко белого света на сером, далеком севере.

Пятнышко мигнуло, потом еще раз.

– Диктуй! – заорал старшина и скакнул к своему прутику.

Ростик стал диктовать, не понимая ни одной буквы. Но когда сообщение завершилось, старшина медленно, по буквам, прочитал его и, вполне довольный, кивнул.

– Ну, что? – спросил Ростик.

– Оказывается, они ждали нашего сигнала и заранее получили у начальства на него «добро».

– А конкретней?

– «Ждите три машины на месте связи в полдень послезавтра», – торжественно, почти нараспев произнес старшина.

– Послезавтра? – Ростик подумал. – Интересно, успеем мы набить дичи на три машины?

– Набить-то успеем, а вот освежевать и отогнать мух – с этим возникнут проблемы.

Откуда-то из-за недалекого холма взлетел низкий, похожий на волчий, режущий вой. В этом мире, полном добычи, не могло не быть хищников. Ростик прислушался к этому звуку и вполне философски, как ему показалось, объявил:

– Отгонять придется не только мух, но и кое-кого похуже.

Глава 8

Охота, о которой так страстно вздыхал Квадратный, в этой местности оказалась малоинтересной. Особенно легко было расстреливать трехгорбых жирафов. Они не боялись людей и подпускали их, практически, в упор. За пару-тройку часов Квадратному удалось набить мяса куда больше, чем они могли обработать за полтора дня.

Самым сложным, как и подозревал старшина, оказалось стащить всю добычу в одну кучу и разделать животных. Дело оказалось настолько неприятным, что даже с их плоскими мечами Ростик едва одолел двух жирафов. Зато Квадратный благополучно расправился с половиной туш.

А вот сдирать шкуры оказалось легко. Их следовало лишь иногда подрезать у тонкого слоя сала, и они сползали, как мокрая ткань с тела. Сложив сырые еще шкуры в один общий неаппетитного вида тюк, перевязав их шнурами, сделанными из кишок животных, Квадратный бодро похлопал Ростика по плечу окровавленной клешней.

– А ты не хочешь приготовить пару штук для отправки?

– Зачем они нужны?

– Жене такую шубу отгрохаешь – все подруги закачаются. На Земле у нее такой и быть не могло.

– Знаю, – согласился Ростик. – Но если я признаюсь ей, что собственноручно застрелил эту животину с пяти шагов, а потом сам освежевал, вряд ли она ее вообще дома потерпит.

– Такая она у тебя?

– Такая.

– И тебе это?.. – он неопределенно обвел рукой вокруг, захватив оставшиеся две туши, груду мяса, костей, залитые красной, как на Земле, кровью камни и траву.

Ростик вздохнул и кивнул.

– Ну, тогда посиди в теньке, повозись со своими картами. Тоже дело небось.

Хотя Ростик честно пытался выполнить задание по картографированию, его схемы получались очень уж доморощенные, совсем не такие, к каким все привыкли на Земле. А Перегуда, Ростик в этом не сомневался, хотел приступить к настоящему, научному изучению окружающей Боловск территории. Вот только ни навыков, ни времени для этого у разведчиков пока не было. Впрочем, Перегуда это понимал, потому что, прощаясь, высказался в том роде, что, мол, многого он требовать не станет, но все-таки очень хотелось бы…

Ростик вымыл руки, выволок из своей сумки папку, разложил один из драгоценных листов бумаги размером почти полметра на метр. Тут, согласно предварительным наблюдениям из обсерватории, были нанесены уже некоторые объекты, позволяющие соблюдать угловые ориентиры по отношению Боловска. А вот расстояния и мелкие детали остались за Ростом.

В принципе Перегуда даже дал Ростику урок по практическому картографированию на местности методом триангуляции, но его явно не хватало, и пока вопросов о том, что и как следовало делать, у Ростика было больше, чем ответов. Он лишь надеялся, что все его муки не окажутся совсем уж мартышкиным трудом и Перегуда с помощью каких-нибудь студентов разберется в его каракулях.

Провозившись пару часов с картой, Ростик отложил ее. Работы у старшины явно было больше, чем он мог выполнить. К тому же Ростик понимал, если заготовки мяса подобным образом станут традиционными, лучше сразу к ним привыкнуть. Поэтому он не стал сачковать, а снова попробовал привыкать.

И, в общем-то, до темноты они успели. От полутора десятков красивых и сильных животных, какими эти жирафы были еще утром, остались только пласты сочащегося кровью

мяса, переложенного большими местными лопухами, зловоннейшая куча требухи, костей да несколько тюков шкур, подготовленных старшиной для последующей доработки.

Оставив сторожить все это богатство вконец вымотавшегося старшину, Ростик понесся галопом к ближайшему ручью, чтобы избавиться от запаха крови и жирафьей полупереваренной жвачки, по сравнению с которой даже навоз казался вполне приемлемой массой. Он почистил одежду и доспехи, а повалявшись в мелком, зверски холодном ручейке, позволив воде обтекать себя, решил, что почти восстановил требуемую чистоту.

После этого настала его очередь стеречь добычу и, разумеется, готовить ужин. Потому что старшине потребовалось куда больше времени для помывки.

На следующий день вся операция повторилась. Лошадям такая жизнь очень понравилась, потому что, стащив с их помощью туши в общую кучу, их уже часов с десяти отпустили пастись на соседних луговинах. Но Ростику и даже старшине все это понравилось куда меньше. Правда, они раньше, чем вчера, покончили с работой, но запах крови прилип к ним намертво, и как оба ни мерзли в талой, совсем не прогретой солнышком воде все того же ручья, им казалось, что от них несет прямо-таки трупным зловонием.

Эта мясницкая работа явно не имела ничего общего с охотой, как ее представляли на Земле отдельные певцы вольной жизни. Но, с другой стороны, кто сказал, что в Полдневье хоть что-то должно быть похоже на Землю?

Вечером, запалив по меньшей мере пять костров, чтобы отпугивать ночных хищников от мясного богатства, которое они накопили за полтора дня каторжной работы, Ростик со старшиной уселся у одного из костров со свежеиспеченной на угольях убоиной. Мясо было, конечно, выше похвал, главным образом из-за свежести, а не из-за искусства поваров.

Старшина так налегал на ужин, что Ростику вспомнился знаменитый некогда анекдот. Он огласил его:

– Что это за шум, спросили гости хозяйку, – продекламировал он, поглядывая на собеседника. – Это не шум, это наш старшина шашлык кушает.

Квадратный оторвал взгляд от аппетитных кусков, которые держал перед собой на оструганной палочке, и спросил:

– И что?

– Именно так – старшина шашлык кушает.

– Не смешно, – сказал старшина, но есть стал потише.

Ростик улыбнулся и посмотрел на уходящий вверх дым, освещенный пламенем.

– А знаешь, могло быть и хуже. Нас могло перенести в такую дыру, что… – он не знал, как продолжить. Но сама идея, что они могли оказаться не тут, а где-то еще, показалась кошмарной.

– Ты о Переносе? – спросил Квадратный, вытер руки о траву перед собой и взял следующий прутик с кусками пропеченного мяса.

– О чем же еще?

– Тогда вот мое мнение – на Земле мне было бы куда хуже, чем тут. Даже без всякого Переноса. Только ребят жаль, слишком много их полегло. А так… – он вполне решительно тряхнул рукой в воздухе, повторяя жест футбольных игроков, когда они забивают гол.

Спать легли рано, уж очень замотались за последние два дня. Во время своего дежурства Ростику пришлось пару раз стрелять в какое-то темное шевеление на границе света и тьмы. Он был уверен, что вовремя пущенная тяжелая стрела отгонит ночных воришек, потому что это явно были не волосатики. Те не позволяли себе так хрустеть в кустах, а кроме того, глаза их не горели отраженным желтым светом, будто фары автомобилей.

Когда Рост улегся и на дежурство заступил Квадратный, тот на арбалетные стрелы не разменивался, а попросту пальнул из автомата, чем вначале заставил Ростика вскочить, как

по тревоге. Но уже на второй выстрел Ростик, прошедший школу окопной войны, даже не повернул голову.

Утром они могли бы вполне набить еще десятка три жирафов, но не стали утруждаться. Да и бессмысленно это было, поскольку всего мяса они забрать все равно не смогли бы.

Караван они заметили чуть не за тридцать километров. Машины поднимали такой шлейф пыли, что не понадобился даже бинокль. Чтобы водители не жгли бензин впустую, старшина помигал им солнечным телеграфом, и на месте машины оказались незадолго до полудня.

К вящему удивлению Ростика, в кузове одной из машин приехала третья лошадка. Ее, взволнованную непривычной поездкой, вывел под уздцы высокий парень, который ухитрялся сутулиться даже в своей темно-зеленой кирасе. Ростик не поверил своим глазам.

– Пестель! Ты как тут оказался?!

Ростик бросился к приятелю, но дружеского похлопывания не получилось. Стоило Ростику только коснуться Пестеля, как тот отпрянул, и лицо его отразило такой ужас, что Ростик тоже на всякий случай отпрыгнул назад.

– Ты чего?

– Тебе хорошо говорить… Ты уже на коне больше месяца скачешь и ко всему этому железному утилю привык. А я только вчера задание получил и кирасу, будь она неладна… поясницу натерла – выпрямиться не могу.

– Задание? – к ним подошел Квадратный.

– Оказывать помощь в разведке территории, вести картографическую часть и вообще… – Пестель неопределенно покрутил пальцами без латной перчатки в воздухе.

– Понятно, – согласился старшина. – Принимаем, тем более что твоя лошадка, наверное, будет посильнее наших квелых жеребчиков.

– Теперь они отдохнули, может, и потащат нас, как в прежние времена, – Ростику почему-то не хотелось ругать лошадей зря. Как он с удивлением заметил, ни с того ни с сего он их стал совсем неплохо понимать.

– Поживем – увидим, – философически ответил старшина и пошел организовывать погрузку мяса.

Как им и показалось, заготовки они сделали слишком щедрыми. Кузова трех грузовиков оказались уже битком, а на земле осталось чуть не четверть мясного штабеля.

– Да, вы, ребята, постарались, – сказал один из водителей, вытирая испачканные кровью руки. – Неужто тут столько дичи? А я и не замечал.

– Больно твоя машина трещит, вот местное зверье и не дает давить себя, – ответил Квадратный. – А вообще, при желании на одну пулю тут можно по три таких вот трехгорбых жирафа нанизывать, чтобы металл, сам понимаешь, экономить.

– Неужто? – удивился другой. В его голосе звучала тоска отпетого охотника: – Жаль, меня в разведчики не взяли. Я бы…

Ростик потянулся к следующему куску мяса, с удовольствием представляя, какими подробностями обрастет теперь эта нехитрая байка в шоферской курилке.

Они отправили караван назад, когда не было еще и трех пополудни. А сами, чтобы служба медом не казалась, по известной присказке, взнуздали лошадок и тронулись дальше.

Глава 9

Они ехали часа три. Пестель только головой крутил да языком цокал, изумляясь богатству и плодородию земли, которую видел перед собой. Даже Ростик и Квадратный, для которых это изобилие стало уже привычным, заново оценивали округу.

За час до заката старшина, взобравшись на самый высокий из окрестных холмов, попросил у Ростика бинокль и стал пересчитывать стада жирафов, антилоп и прочих крупных травоядных.

– Что, опять? – спросил его Ростик.

– Ребята приедут послезавтра, около полудня, – ответил Квадратный, не отрывая бинокль от глаз. – Как думаешь, успеем набить три кузова дичины?

– На старом месте осталось почти…

– Знаю, на этот раз будем убивать бережней.

– К тому же, – вступил Пестель, – и местным волкам следует подкормиться.

– Нет тут волков, – отозвался Ростик. – Есть только панцирные шакалы, но и они как будто не голодают.

– Значит, вообще проблемы нет, – сказал старшина. – Найдется кому мясо подобрать, сгнить не дадут.

Они проехали пару километров в молчании. Потом Ростик спросил:

– Они точно обещали, что горючее найдут?

– Найдут. На прогон из города и обратно требуется литров тридцать на каждую машину. А за это они получили почти пять тонн свежатины. Если бы на Земле можно было так легко горючее обращать в пищу, никакие бы неурожаи не пугали.

– Зато тут Баку нет, – сообщил Ростик.

– Надо что-то придумывать, – сделал ценное замечание Пестель. – Не может так долго продолжаться – чтобы мы не смогли изобрести что-то вместо бензина. – Он помолчал. – Ну, самолет, конечно, на суррогате не запустишь, но машины обязательно должны поехать. Да и переделать их несложно… как я слышал.

– Три, пять… восемь… – Пересчитал старшина вслух стада. – Ладно, разбиваем лагерь тут. Завтра будет полно работы. Вот нам бы еще только…

Но договорить он не успел. Внезапно с той стороны, откуда они только что приехали, раздалось дружное, как овации, хлопанье крыльев взлетевшей огромной стаи. Получасом ранее эту же самую стаю иглохвостых попугайчиков, как Ростик назвал их про себя, они сами подняли с веток. И вот теперь то же. Определенно по их следу двигались какие-то животные…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.